

День непослушания. Будем жить!

Автор:

Евгений Щепетнов

День непослушания. Будем жить!

Евгений Владимирович Щепетнов

День непослушания #2Новый фантастический боевик (Эксмо)

Метеориты занесли на Землю смертоносные вирусы, и почти все взрослые погибли, а те, кто не погиб, переродились в кровожадных мутантов. Погибли или превратились в мохнатых злобных мутантов и маленькие дети – те, кому не исполнилось 10 лет. Выжили и сохранили рассудок только подростки 10–15 лет. Им и пришлось создавать новый мир и новую цивилизацию.

Действие романа-антиутопии развивается в Саратове и вокруг него. 15-летний Андрей Комаров, недавний школьник, кандидат в мастера спорта по боксу, встал во главе одной из общин подростков. Он вовремя сообразил, что необходимо запастись оружием, и это помогло общине выстоять перед напором подростковых банд, стремящихся построить рабовладельческое общество, и успешно отражать нападения безумных мутантов, питавшихся кровью и плотью животных и людей.

Евгений Щепетнов

День непослушания 2. Будем жить!

© Щепетнов Е.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

23 июня, день.

Андрей Комаров

– Андрей... что делать? – Настя смотрела на меня так, что мне стало немного не по себе. Черт возьми, я же всего лишь пятнадцатилетний подросток! Она не младше меня! И какого черта вы все от меня хотите?! Я вам что, вождь всех народов?! Ну откуда, откуда я знаю – что делать?!

– Она ходит за девчонками и... смотрит! Смотрит! И облизывается! – Голос Насти сорвался. – Облизывается, как на пирожное! Что делать-то?!

Мне стало так нехорошо, так мерзко, что я едва не застонал. Ну почему, почему я должен решить ЭТО?!

– А что ты предлагаешь? – выдавил из себя после долгого молчания. – Есть варианты? Если есть – сообщи мне о них, пожалуйста.

Молчит. Не дура ты, Настя! Совсем не дура!

– Никаких вариантов...

Голос Лены, как всегда, спокоен до ненормальности. После того как ее изнасиловали, избили, сделали рабыней, – в ней что-то изменилось.

Настя мне так сказала. Лена была домашней девочкой в замечательной семье интеллигентов – преподавателя истории и учительницы русского языка и литературы. Она даже раздеться стеснялась в присутствии чужих людей, даже девчонок! А теперь... теперь я не знаю, кто она.

Нет, так-то знаю, что это Лена Самохина, что ей почти шестнадцать лет, что ее звали Дюймовочкой за малый рост и красоту. (Ох и красивая же! Это что-то потрясающее!)

Знаю все, что мне нужно знать. Все, что я у нее спросил. Вернее, о чем осмелился спросить. Уверен, спроси я о подробностях того «случая», когда они с Настей попались группе из десятка кавказских парней, – она бы мне рассказала абсолютно все. Даже об ЭТОМ. Но я не хочу ЭТОГО знать. И вообще собираюсь о той беде говорить как можно меньше. Слава богу, пока нет никаких признаков, что Настя и Лена после изнасилования залетели.

– Хорошо, – пожал плечами я, не желая брать на себя ответственность. – Лена, а что бы ты сделала на моем месте?

– Ты хочешь скинуть с себя ответственность? – Голос Лены был спокоен, как обычно, но мне показалось – это не голос, а острая иголка, и воткнула она мне ее прямо под дых. – Ладно. Тогда я скажу. Ее нужно убить. Иначе всем конец. Пока она ходит медленно, потом будет ходить быстрее и от нее уже не уйти. Запереть ее в комнате навсегда, кормить и ухаживать за ней? Кто это будет делать? Да и зачем? У нас на руках толпа девчонок, так и не вышедших из состояния безумия. Они едва соображают, когда им приказываешь что-то делать. И мутанта нам не надо.

– Андрюх... давай я это сделаю! – Голос Митьки был хриплым. Мой друг едва цедил слова, и было видно, что даются они ему с трудом. – Только похоронить надо по-человечески, она ведь ни в чем не виновата.

– Все мы ни в чем не виноваты! – резко бросил Мишка, фактический хозяин дома, в котором мы сейчас сидим. Бывший мажор, а теперь просто хороший парнишка, незлобивый и дельный. И отличный боец – и стрелок, и рукопашник. Ушуист, однако, не хухры-мухры!

– Никто ни в чем не виноват! – продолжил Мишка. – Но она теперь одна из нас! И мы должны ее похоронить. Только не дома. Не будем устраивать тут кладбище. Похороним на горе, над Волгой. Там будет кладбище для наших. Боюсь, что их будет гораздо больше...

– Жребий? – предложила Настя.

– Нет! – Я встал и положил руку на кобуру с пистолетом. – Если я ваш командир, значит, и ответственность нести мне. Митя, Миша – лопаты в машину. Берете оружие, боеприпасы – как на серьезную вылазку. Да в принципе все вылазки у нас серьезные! Так что без запаса боеприпасов не выходим. Вообще, ребята, привыкните, какая бы ни была жара, выходим только полностью одетые – разгрузки, комбезы и полный боекомплект. Увижу, что кто-то вышел за ворота раздетым, набью морду. Даже девчонкам!

– У нас не морды, у нас лица! – фыркнула Настя, и я бесстрастно подтвердил:

– Набью морды и лица.

– Чёй-то «морды»! – возмутился Мишка. – Я красавчик! Это у Митьки морда!

Митька попытался сказать какую-то гадость в адрес приятеля, с которым они совсем уж скорешились в эти дни, но я пресек их болтовню:

– Хватит балагана! О серьезном говорим. Не забываете, по какой причине мы тут собрались. Что за шуточки в самом-то деле?

Все сразу посерьезнели. И правда, какие, к черту, шутки? Ну да, я понимаю – защитная реакция мозга. Не ходить же постоянно в депрессии? Так и спятивать можно! А спятивших у нас и так слишком уж много – целый десяток девчонок от десяти до пятнадцати лет. Все бывшие рабыни, которых мы освободили после налета на гнездо банды исламистов. До сих пор, уже неделю после освобождения, они так и не пришли в себя. Делают все, что им говорят, безропотно исполняя приказы, любые приказы, но из состояния «робот» они так пока и не вышли. Я думаю, что их психика все-таки справится с навалившимся на нее безумием, постепенно они отойдут, поздоровеют, но когда это будет – неизвестно. Мы не форсируем события. Пусть все идет своим чередом.

И только одна проблема нас беспокоит так сильно, что пришлось собраться и решить ее как можно быстрее: девчонка, которая на наших глазах превращается в монстра.

После Дня непослушания, как я назвал день, в который на мир свалились метеориты, несущие смертельную болезнь, в живых остались только дети,

подростки от десяти до пятнадцати лет. И то не все.

Я не знаю, от чего зависело, кто останется жить, а кто нет, я ведь не биолог. Да скорее всего и биологи не смогли бы определить, что за болезнь скосила все население этого мира. Только нет теперь никаких биологов, некому искать вакцину от этой болезни. Да и зачем она, та вакцина? Кого спасать? Если только мутантов...

Да, как оказалось, не все подростки проснулись после комы нормальными людьми. И не все взрослые умерли. Я не могу мутантов назвать «зомби» – ведь как мы, насмотревшись дурацких фильмов, представляем себе облик зомби? Умер человек, а потом взял и пошел – мертвый и смертоносный. Он воняет, разлагается, но обязательно охотится на людей, потому что таков его инстинкт – догнать живого и слегка покусать. Чтобы и живой стал таким же зомби, хотя непонятно, зачем мертвецу это нужно.

Только вот здешние зомби отличались от канонических зомби из фантастических фильмов и романов абсолютно радикально. Ну да, они тоже жрали трупы. Но кроме трупов они еще жрали все подряд – начиная с гниющего мусора из контейнера и заканчивая живыми людьми.

Во-вторых, как оказалось, эти твари размножаются! Мишка видел, как парочка мутантов занималась сексом прямо перед окнами его дома! Нет, конечно же, мы не видели, как мутанты рожают и какое у них потомство. Но ведь логично предположить, что, если некто занимается сексом без предохранения, уж наверное, он произведет потомство? Потому я и сделал вывод – скоро нам придется столкнуться с потомками этих самых новообразованных из людей существ: невероятно быстрых, сильных, выносливых, а еще – практически неубиваемых. Если, конечно, им не выстрелить в голову.

Но неприятнее всего оказалось новое открытие, касающееся животных. Как оказалось, они тоже могут становиться мутантами. И более того – укус мутанта, если он не привел к смерти за счет банального физического разрушения тела, приводит к тому, что укушенный медленно, но верно превращается в мутанта. Вначале его лихорадит, потом наступает кома. Примерно сутки он лежит в коме. Затем превращается в существо с белесыми глазами, которое бродит за людьми и облизывается, будто видит сладкое пирожное.

Когда я увозил рабынь из общежития училища, в просторечии именуемого «Бакланкой» (от «баклана», потому что в училище в основном учились «бакланы», на уголовном жаргоне это означает «мелкие хулиганы», «шпана»), одну из девчонок укусила крыса, выбежавшая из контейнера с мусором. Результат этого укуса сейчас сидит запертый, вернее, запертая – в одной из многочисленных комнат дома, в двери которой имеется внутренний замок. И вот теперь настал момент наконец-то решить судьбу этой девчонки.

– Миша, Митя, надеваете перчатки, прежде чем ее вязать. Ни в коем случае не даете ей шанса вас укусить. Мить, ты мой старый друг, и, хотя ты раздолбай еще тот, надеюсь, осознаёшь, насколько неприятно мне будет расплескать твои мозги по мостовой, когда ты превратишься в монстра. Миша, тебе говорю то же самое! Если ты позволишь себя укусить, начнешься превращаться в обезьянку...

– В Митьку, что ли? – задумчиво бросил Мишка и тут же получил брошенным ботинком в спину и охнул, а я укоризненно посмотрел в глаза бывшему мажору:

– Миша, ну какого черта? Ты когда вырастешь?

– Не знаю! – пожал плечами Мишка и нарочито тяжело вздохнул. – Может, я в корень пойду! Останусь карликом, а сам... буду производить род человеческий! Я вообще-то согласен.

– Производитель хренов! – фыркнула Настя. – Почковаться будешь, что ли?

– Что, мало у нас девчонок? – безмятежно улыбнулся Мишка, и тут я рявкнул, как американский сержант из глупого кинофильма:

– Молчать! Стоять смирно! Миша, я что сказал только недавно?! Какого черта вы превращаете серьезную проблему в балаган?! Миш, вот поручу тебе это дело – чтобы в другой раз знал, как хохмить! Узнаешь тогда!

– Да нечего узнавать, – вздохнул Мишка. – Поручишь, так сделаю. Она уже вообще-то не человек. Да и знать я ее не знаю – кто она и зачем она. А нам что теперь, целыми днями плакать и рыдать? Не мы такие – жизнь такая. Мир умер, но мы-то не умерли! Так что зря ты на нас наезжаешь, командир!

Хм... может, и зря. Прав Мишка. И девчонка нам вроде как чужая, мы даже имени ее не знаем, и дела надо делать – а всех не пережалеешь. Да и не человек она теперь. Монстр!

– Перчатки и веревки, – мрачно подтвердил я свой приказ. – И быстро сюда. Будем ее вязать.

– А что, здесь нельзя дело сделать? – резонно заметила Настя.

– А потом машину мыть? Вонять будет! И комнату всю перепачкаем! – выходя, бросил Митька. – Правильно Андрюха говорит, отвезем и на месте кончим!

Я поморщился. Неприятно все-таки это слышать! «Кончим»! Нельзя было как-то понежнее? Ликвидируем, к примеру. Или... ну, хотя бы «застрелим»! Нельзя так пренебрежительно относиться к смерти. Все-таки она наша девчонка, даже если необратимо изменилась. Нехорошо!

Всё это я тут же довел до сведения поморщившегося Митьки, и он унесся искать веревку.

Мы едва справились. Запоздали, надо было еще дня два назад этим заняться. Сейчас же гибкая, худенькая девчонка лет двенадцати уже обладала силой взрослого мужика, и мы трое летали по комнате, как кегли. Пока мне это все не надоело и я не двинул ее крюком слева, в челюсть. Челюсть хрустнула, а мутантка потеряла сознание – все-таки что ни говори, а некоторые рефлексy у мутантов остаются прежними, человеческими. Врезали по башке, сотрясли мозг – он и отключился. А мозг всему голова! Хорошо, что на мне были толстые кожаные перчатки – не дай бог попал бы по зубам, занес в ссадину содержимое слюны мутантки, и тогда...

Хм... а вообще-то я и не знаю, что именно случилось бы тогда. Может, был бы жив, а может, и нет. Хотя... назвать жизнью существование этих трупоедов язык не повернется. Но если считать, что те, кто передвигается в пространстве, питается и размножается, обязательно живые существа, значит, мутанты тоже живые существа.

Когда мы ее связали и уселись на пол, тяжело дыша, отдуваясь и ощупывая повреждения, полученные в результате нашей бурной возни, Мишка вытер лоб

запястьем и задумчиво сказал:

– Знаешь что, Андрей... я теперь готов вымыть пол, после того как очередному мутанту вынесут мозги. И даже сам готов их выбить. Но то, что мы сейчас делали, было полным идиотизмом, ты не находишь?

– Нахожу... – вздохнул я, и мы замолчали. А что еще можно было сказать? На месте надо было решать вопрос, а не устраивать шоу с поимкой и пленением. А если бы и правда укусила? А если бы оказалась настолько сильной и быстрой, что сумела бы нас разбросать и уйти на волю? А там перекусила бы остальных девчонок, и мы вместо одной мутантки получили бы целый отряд! Что лучше: вымыть от крови и мозгов одну комнату или подвергнуть опасности всех здоровых людей в этом доме? По-моему, ответ очевиден.

Мы загрузили дергающуюся и мычащую мутантку в багажник джипа, предварительно проверив, насколько крепки ее путы. Очень уж не хотелось, чтобы кто-то впился мне в затылок, пока я буду вести машину. А потом загрузились и выехали из дома.

На удивление электричество все еще продолжало работать (две недели после апокалипсиса!), хотя я каждый день, каждый час ожидал, что вот-вот его вырубят и мы останемся сидеть в темноте.

В принципе мы к этому были готовы. Уже на второй день после того, как вернулись после набега на общежитие «Бакланки», мы все скопом поехали в «Леруа Мерлен», предварительно пригнав из Юбилейного тот самый «КамАЗ»-«лаптежник», с помощью которого мы с Митькой некогда взломали полицейский отдел. Этот «КамАЗ» плюс фура, ранее загруженная снаряжением из оружейного магазина (ее мы отобрали у банды кавказцев), – и мы хорошенько почистили «Леруа Мерлен», взяв оттуда множество всяких нужных в хозяйстве инструментов, в том числе бензогенераторы, вырабатывающие ток. Там были всякие, начиная от маленьких киловаттников и заканчивая здоровенными пятикиловаттными агрегатами.

Пришлось сделать несколько рейсов, но мы не смогли вывезти и пяти процентов того, что имелось в магазине и на его складах. Чтобы вывезти все подчистую, нужно несколько десятков грузовиков и не меньше недели времени – по крайней мере мне так казалось.

Когда я все-таки сумел «задавить жабу» и остановил наше хомячество, все мои соратники и я сам просто валились с ног от усталости. Мы вывозили инструменты три дня по несколько рейсов в день. Тащили, загружали в машины, отвозили на базу, выгружали и возвращались. По три рейса в день.

Когда я объявил, что на некоторое время «мародерка» прекращается, вся наша «банда» облегченно вздохнула. Основная нагрузка, само собой, легла на трех особой мужского пола, но и девчонкам тоже пришлось несладко. У машин мы обычно оставляли по очереди то Лену, то Настю – дежурить с оружием наготове, чтобы не остаться в дураках, если налетит какая-нибудь лихая группа мародеров, остальные же таскали почти на равных с нами, парнями. Да, мы старались девушек не перегружать, давали им посильные задачи, но... всякое бывало. Грузим тележку, девчонки впрягаются и волокут к машинам. А как ты определишь, посильный девушки тащат вес или нет? Сами они ничего не говорят. Делают то, что им прикажешь, – как роботы. С одной стороны вроде бы и удобно, но... чувствуешь себя чем-то средним между рабовладельцем и оператором-роботехником. Вообще-то, если честно, неприятное ощущение. Смотришь в глаза девчонки и понимаешь, что перед тобой пустая оболочка. Нет в ней души, живой робот.

Барахло рассовывали по многочисленным хозяйственным пристройкам и помещениям в гостевом доме, в котором была сделана генеральная уборка. Убирали, само собой, девчонки-«роботы». Как говорили некогда ныне покойные англичане: «В каждом свинстве есть свой кусочек бекона». Вот и тут – если бы девчонки были в разуме, вряд ли у них хватило бы силы воли убрать все то, что некогда натворила в гостевом доме резвившаяся там парочка мутантов.

Впрочем, и нам работы хватило. Кости, оставшиеся от хозяина дома, отца Миши, и от его гостей и прислуги, мы похоронили в углу сада, выкопав полутораметровую могилу. Опознать и отделить кости Мишиного отца от костей других людей не было никакой возможности, так что похоронили их всех вместе.

Гостевой дом отмыли девчонки под наблюдением Лены, которую не брал ни жуткий запах, смесь дохлятины и протухшего на жаре дерьма, ни вид разбросанных по полу останков людей вперемешку с дерьмом мутантов.

Странная она девчонка. Тоже своего рода «робот», только разумный, не то что остальные спасенные девушки. Лена никогда не улыбается, никогда не шутит. Говорит всегда по делу, очень разумно и... ничего лишнего. Более того, она

совершенно лишена присущих девушкам... хм... не знаю, как это даже и назвать... особенностей поведения? Да, наверное; так будет сказать вернее.

Например, никогда не использует косметику. Более того, сделала все, чтобы не выглядеть как девушка. Взяла да и отрезала свою роскошную золотую косу. Когда я спросил, зачем она это сделала, ничего не ответила, только таращилась на меня ярко-голубыми глазами, не моргая, будто рептилоид. Сделала себе «тифозную» прическу, постригшись «под расческу», так и ходит, больше похожая на юного мальчика-ангелочка, чем на девушку почти шестнадцати лет от роду.

Я спросил Настю, зачем Лена отрезала косу, и вообще – что такое с девчонкой случилось. Настя долго молчала, смотрела в пространство, не глядя на меня, и я уже подумал, что она мне так и не ответит. Но Настя все-таки ответила:

– Понимаешь... когда ее насильовали... ну... все, толпой... то держали за косу. И она ей стала глубоко противна. У Лены до насилия был некий комплекс... или как бы это назвать... психическое отклонение. Она не могла никому показаться голой. Или даже раздетой до трусиков. Только ты не смейся...

Я смеяться не собирался, о чем тут же уведомил Настю, и она продолжила:

– И вот представь: ее, которая даже перед девушками стеснялась показаться раздетой, насилует толпа парней, а потом заставляет ходить голой перед всем миром, да еще и с собачьим ошейником на шее. Тут и у обычной-то девчонки крыша поедет, а у нее... у нее развился небольшой такой психоз: она теперь ненавидит волосы! Они вызывают у нее отвращение! Как напоминание о насилии. Видел, у нее даже на руках нет волос?

Я кивнул, но, честно сказать, не рассматривал Лену, потому и не обратил на это внимания. А Настя продолжала:

– Представь себе – она все свободное время тратит на то, что сидит глядя в пространство или выдирает у себя волоски! Пинцетиком! Дерг! Дерг! Разденется догола – и дергает! Одно хорошо – теперь у нее нет комплекса по поводу раздевания. А если сказать точнее – ей плевать, раздета она или одета. Если бы ты не требовал, чтобы девчонки ходили дома всегда одетыми – она бы точно ходила голой. Так ведь прохладнее, а ей, как я уже сказала, плевать,

одета она или раздета. Главное, чтобы было удобно.

Я внутренне содрогнулся – ведь ненормальная! А у нее оружие! Вдруг возьмет да и в спину стрельнет?

Настя меня успокоила, когда я сообщил о своих опасениях:

– Даже и не думай! Чушь это все! Я тебе больше скажу: она считает, что обязана тебе по гроб жизни. И живет только потому, что должна тебе помогать, должна тебя оберегать! И она сделает все, что прикажешь сделать. Абсолютно все! Понимаешь? Прикажешь убить – она убьет. Прикажешь ей убить себя – она тут же снесет себе башку. Прикажешь... хм... стать твоей наложницей – она будет делать все, что ты прикажешь. Как бы тебе объяснить... не знаю, поймешь ли... у нее сдвиг в голове. Лена считает, что уже умерла. Здесь только ее оболочка, которая осталась жить только для того, чтобы помогать тебе. Ты для нее и царь и бог. Да, это ненормально, но Лена и была слегка того... со сдвигом. И вот теперь образовался новый «сдвиг» на почве известных событий. Так я это вижу.

Честно скажу – я обалдел! Нет, ну а как я должен реагировать на известие, что одна из моих соратниц представляет собой психически ненормальную больную, которая вбила в себе в голову некую сверх-идею поклонения Андрею Комарову?! Не любовь, не страсть, а нечто древнее, окаменелое, что-то среднее между самурайским поклонением господину и обетами, принимаемыми древними монахами.

Нет, ну в самом-то деле – как можно серьезно воспринимать слова о том, что некий человек посвятил свою жизнь тебе и готов покончить с собой, если ты ему прикажешь это сделать? Только если принять за основу, что человек серьезно болен психически. Или он самурай древнего рода и мы живем сейчас в пятнадцатом веке. Или в каком там веке жили настоящие самураи? Я не историк, не знаю...

Может, они меня разыгрывают? Настя не лишена чувства юмора, это точно. Девчонка довольно-таки ехидная, за словом в карман не ползет. Ее пикировки с Митькой и Мишкой я слышал, и надо признать – отбривала она их виртуозно, так, что те краснели и хихикали. И кстати, материться она умеет не хуже Митьки. Хотя и редко это делает.

Да, на самом деле я запретил девчонкам разгуливать голышом. Или даже только в трусиках-лифчике. Нет, мне всегда нравились красивые девушки, мне было приятно разглядывать обнаженных красоток, но зачем, выходя из душа, разгуливать по дому в натуральном, так сказать, виде или в одних маленьких трусиках? Зачем провоцировать парней, которые сразу начинают заикаться, краснеть и отводить глаза? Мне не нужны лишних раздражителей, которые уменьшают обороноспособность моих парней. Да и мою тоже, если быть честным... Мы, можно сказать, на войне, так что все должны быть готовы в любой момент открыть огонь по врагу – бандам или мутантам. А как может открыть огонь голая девица, пистолет которой остался в спальне? Или как может быстро отреагировать на опасность парень, который задумчиво смотрит якобы в пространство, а сам косит глазом на проплывающую мимо попу соблазнительной девицы? Нет уж – все в камуфляж, все с оружием и никаких шашней и мыслей о таковых развлечениях.

В последний раз, когда наши девушки ходили голыми, так сказать, в общественном месте, это была уборка в гостевом доме. Ну в самом деле – тут уже деваться некуда. Пачкать одежду во всей той дряни, что валялась на полу, было бы просто нерационально. Голышом убирались. Потому, когда все было закончено, девчонок просто выстроили на лужайке и всех хорошенько отмыли, поливая из шланга. А потом уже загнали в горячий душ (благо что электричество еще есть, а значит – работает газовый котел).

Не знаю... может, я и напрасно беспокоюсь – новая жизнь требует новых правил, новых законов и новой морали. Принято было до Дня непослушания, чтобы все ходили одетыми – вот мы и продолжаем придерживаться прежних правил, законов и морали. Но по большому счету какое мне дело, как в свободное от службы время ходят мои подчиненные? Голые или одетые? Несут службу исправно – да и ладно. И потому пусть хоть ремнями перепоясаются через голые сиськи – мне-то какое дело?

Я понимал это, но все равно продолжал настаивать на соблюдении правил, похожих на те, что были до катастрофы. Цеплялся за эти правила так, будто в них заключен некий особый смысл. Вроде как, если не будешь соблюдать эти правила, перестанешь быть человеком. Глупо, конечно, ума у меня хватало, чтобы это все понять, но... пусть пока будет так. Потом с моими соратниками обсудим нашу жизнь и выработаем новые законы и новые правила жизни. Сейчас нам не до того.

23 июня, день.

Настя Самойлова

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Трое сильных, крепких, тренированных парней отлетали от худенькой девчонки так, как если бы она была чемпионом мира по боям без правил. Понятно, что они хотели упаковать ее, не повредив тела, не сломав рук и ног, – годами в головы этих правильных домашних парней вбивалось правило, гласящее: «Девочек бить нельзя!»

Но сейчас глупо с ней церемониться, глупо до невозможности. Сейчас это Нечто, что неделю назад было стройной девчонкой лет двенадцати-тринадцати, повезут фактически на расстрел, и они при этом боятся поставить ей синяк?! Идиоты! Все-таки парни бывают такими идиотами! И какого черта надо было ее ловить? Здесь надо было уничтожить мутанта! А если она их покусает? Что тогда делать?!

Настя уже потянулась за пистолетом, который торчал из кобуры на ее поясе, когда Андрей наконец-то догадался и ударом в челюсть вырубил это существо, уже начавшее меняться. Девчонка, имени которой Настя так и не узнала (за что себя ругала, и не раз), уже начала обрастать шерстью. Еще не очень заметно, но начала. И похоже, что у нее начали деформироваться кости – она стала ниже и вроде как массивнее. В еде ей не отказывали, все эти дни кормили не хуже, чем остальных девушек, так что набрать массу она могла. И набрала.

Потом парни сидели на полу, потные и злые, а через полчаса они все вместе ехали в джипе, прислушиваясь к тому, как билась в багажнике спеленутая мутантка.

Настя не испытывала к ней такой уж большой жалости. Ну так-то жаль, конечно, – девчонка жила бы еще да жила. Но что теперь поделаешь? Ну не плакать же по ней днями и ночами напролет?

Во-первых, Настя ее совсем и не знала. Даже имени – и то не знала (может, и к лучшему?).

Во-вторых, Настя уже не воспринимала ее как человека. Каждый, кто смотрит на мир белесыми глазами зомби, не может быть человеком. По крайней мере, для Насти. В этом теле уже нет человека, а есть психически ненормальное существо, некий рептилоид, занявший тело живой девушки. А значит, его нужно уничтожить.

Все просто, и никаких тебе самокопаний. Это парни пусть самокопаются, а для Насти все просто и ясно. Мутанта надо убить, живого надо защищать. Простые и очевидные истины.

Лена сегодня была дежурной, так что ее оставили на базе – наблюдать за порядком и охранять сокровища, коих здесь было превеликое множество. Главные сокровища этого мира – оружие и боеприпасы. Часть из них парни выгребли из полицейского районного отдела, часть – некогда было содержимым охотничьего магазина под названием «Егерь» и было замародерено кавказцами, убитыми потом в перестрелке с парнями Андрея.

Карабины, охотничьи ружья, помповики и огромное количество патронов – все это было самым настоящим сокровищем и надеждой на выживание. Если у тебя есть оружие, ты можешь смелее смотреть в будущее на Земле, на которой не осталось никаких законов, кроме закона сильного. А кто сильнее? Тот, кто вооружен правдой, подкрепленной пулеметом или автоматом. Ну и карабином калибра девять миллиметров. Правда, она без оружия как-то и не катит... слабовата такая Правда.

Лена... ох, Лена, Лена! Вначале Настя и сама слегка побаивалась той перемены, что произошла в ее новообретенной подруге. После насилия, совершенного над Леной толпой слюнявых глумливых подростков, можно было ожидать чего угодно, но только не того, что произошло на самом деле. Лена полностью изменилась. Даже не так – она превратилась в другого человека. Абсолютно другого! Домашняя девочка, стеснявшаяся своего тела, не решавшаяся раздеться даже при ней, при Насте, – стала холодной, расчетливой, практически лишенной эмоций машиной для убийства. Для Лены сейчас прикончить какого-нибудь бандита – все равно как сморкнуться. Она абсолютно лишилась чувства стеснения, малейшего стыда – могла спокойно разгуливать по дому голышом, не обращая внимания на дикие взгляды соратников, и только после категорического приказа Андрея ходить одетой стала тщательно, продуманно одеваться, прежде чем выйти из спальни или ванной комнаты.

Вначале Настя думала, что Лена, пренебрегая одеждой, как-то провоцирует парней, непонятно только зачем. Но потом, понаблюдав за ней, поговорив с ней, полностью уверилась – девчонка не в себе. У нее и вправду произошел некий надлом, или, проще сказать, поехала крыша. И Лена все, что происходило вокруг, стала воспринимать совсем по-другому, не так как раньше.

Когда Андрей стал расспрашивать о происходящем с подругой, Настя ему все рассказала, предварительно взяв обещание, что он ничего никому не скажет. В том числе и самой Лене. Неизвестно ведь, как она на это отреагирует.

Когда рассказывала о подруге, следила за реакцией Андрея. За тем, как он отреагирует на известие о том, что некая девчонка готова для него на все. Не загордится ли? Не сделается ли самодовольным болваном? Но Андрей с честью прошел испытание. Он только удивился и, судя по всему, очень даже озадачился. Похоже, он не был избалован вниманием девчонок и представить себе не мог, чтобы кто-то из них был влюблен в него до такой степени.

Впрочем, это и понятно: несмотря на его взрослый, мужественный и brutальный вид, лет Андрею всего ничего – пятнадцать, а значит, какие, к черту, любовные приключения? Это девчонки начинают раньше – с парнями гораздо старше себя. А вот парни... тут все сложнее. Особенно если все свободное время занято спортивными тренировками.

Андрей Насте нравился. Очень нравился. Нравился так, что иногда она думала, что влюблена в него. И это было странно. Нет, странным казалось не то обстоятельство, что она была влюблена именно в Андрея, – почему бы и нет? Высокий, сильный, красивый, да еще и здешний вождь – почему бы в него не влюбиться? Дело совсем не в том. Прошло всего ничего времени после того, как Настю изнасиловали, избили, после того, как она едва спаслась от смерти. И по всем канонам детективных романов Настя сейчас должна была бы испытывать ненависть и отвращение ко всем особям мужского пола. Ведь ее насиловали парни – значит, она должна ненавидеть всех парней.

Но такого не было. Ей нравился парень, и ей было приятно рядом с ним находиться. На самом деле ведь не он ее насиловал! Наоборот, он спас ее от насильников!

Кстати, и Лену тоже. Потому та и предана ему, как собака хозяину. Настя даже слегка заревновала – вообще-то это ее, Настина, подруга! Это ради Лены Настя придумала хитрую комбинацию, в результате которой была уничтожена этническая банда и освобождены рабыни! А Лена взяла да и отдала всю свою любовь и верность какому-то чужому парню! Ну как это так? А если Андрей вдруг (ну фантазии, да – но все равно!) прикажет Лене убить Настю? Выполнит Лена приказ? И тут же себе с горечью отвечала – наверное, выполнит. Точно выполнит! И осознавать это было очень даже неприятно.

Но да ладно. Пока что все идет как надо. Устали только, таскаячи барахло из «Леруа Мерлен», вымотались. Но никто не протестовал – хомячили, как настоящие хомяки. Пригодится барахло, им ведь тут жить. Кстати, очень удачно, что этот магазин под боком, можно время от времени туда наведываться и вывозить товары. Даже если кто-то догадается сделать то же самое – хватит на всех, барахла столько много, что месяц вывозить, и то не вывезешь!

Ехать было не очень далеко, в район мечети. Тут же, на горе над Волгой, было мусульманское кладбище, но туда не пошли. Отъехали чуть в сторону, поднялись по проселочной дороге вверх от яхт-клуба и, найдя ровную площадку, приступили к делу. Вернее, приступили к делу только парни, Настя же забралась на экспедиционный багажник джипа и сверху озидала окрестности на предмет подкрадывания злых мутантов и не менее злых бандитов. Парни же в это время копали могилу.

Настя время от времени поглядывала на мокрые мускулистые спины парней, раздевшихся по пояс, и с отвращением прислушивалась к стуку и мычанию в багажнике, где лежала мутантка.

И едва не пропустила атаку!

Это были собаки. Две собаки, они, вероятно, некогда принадлежали хозяевам здешних коттеджей. Немецкая овчарка и ротвейлер.

Настя знала породы собак. Более того, мечтала: когда вырастет – купит себе собаку. Мать не разрешала заводить ни собак, ни кошек – кошки дерут драгоценную мебель, собаки гадят на землю, чтобы красивые женщины испачкали этой мерзостью свои дорогие итальянские туфли. Так что никаких собак и кошек.

Видимо, это обстоятельство и явилось причиной того, что Настя не сразу начала стрелять. Стрелять по своей мечте – что может быть гаже? Только когда собаки подбежали совсем близко и стали видны их глаза – пустые, белесые, глаза зомбака-мутанта, – Настя вскинула автомат и всадила очередь из трех патронов прямо с забрызганную слюнями пасть монстра. Ротвейлер тяжело рухнул на капот джипа, содрогаясь в муках уходящей жизни, а немецкая овчарка вдруг затормозила всеми четырьмя лапами и понеслась к деревьям, рассчитывая укрыться за старыми дубами.

Настя взяла упреждение и второй очередью перебила собаке позвоночник. Та взвизгнула и на передних лапах поползла дальше, время от времени оглядываясь, и тогда были видны ее глаза. А еще – клыки. Не обычные, собачьи, – такие клыки Настя видела в книжках о древних людях, где рассказывалось о саблезубых тиграх, охотящихся на людей. У этой твари, которая раньше была немецкой овчаркой, зубы стали именно такими – огромными, каждый сантиметров по семь, не меньше. Они торчали из пасти и сверкали на солнце, вызывая ощущение абсолютной нереальности, ведь в остальном издали собака казалась такой же, как и раньше, до мутации! Если бы не глаза да страшные саблевидные зубы – попробуй-ка отличи ее от обычных собак!

Настя бессильно опустилась на землю и уже привычным движением сменила магазин на полный – так, на всякий случай. Потом добьет патронами початый. Мимо прошел Митька с пистолетом в руке, и через короткое время бухнул один выстрел, еще через минуту – другой. Готово!

– Теперь не встанут, – констатировал Митька. – Знаете, а они ведь шевелились. Обе. Если этим тварям не прострелить башку, похоже, их никакой раной не убить. Восстанавливаются, сволочи! И не просто башку прострелить, а сам мозг!

Все покивали, Андрей успокаивающе похлопал Настю по плечу. Мол, молодец! Она и сама знала, что молодец, но ласка парня ей в самом деле была приятна.

Он вообще приятный, этот Андрей! И ведь никого не бьет, никого не ругает, не орет, а все охотно подчиняются ему, и он на своем месте. Прирожденный лидер, точно. Когда на него смотришь, сразу успокаиваешься, и все становится на свои места. Веришь, что в конце концов все будет хорошо.

Странно, но Настя раньше никогда не встречала таких парней. Все больше мажорчики разной степени гадостности. Ну, вот такие, как Мишка! Нет, Мишка так-то замечательный парень, но он скорее исключение, чем правило. Среди молодежи, которой разрешено все и вся, молодежи, которая не умеет считать деньги (которых у нее море) и мнит себя солью Земли, – вырасти нормальным парнем очень и очень трудно. Может, в том и дело, что его сразу засунули в закрытый британский колледж, оторвав от мажорской среды? В Англии ему пришлось выживать среди высокомерных британских придурков, вот он и не принял их стиль поведения. Как не перенял и стиль общения российских мажоров, существ в большинстве своем в высшей степени противных. Настя посмотрела на таких, она ведь училась в школе, где таких подростков было более чем достаточно.

Яма была уже готова. Неглубокая, копать было трудно, но вполне достаточная, чтобы труп не выкопали какие-нибудь падальщики. Настя не смотрела на то, как вытащили мутантку, как положили ее в могилу. Ее задача – охранять похоронную команду. И она охраняла. Смотреть, как расстреливают человека, ей совсем не хотелось. Хорошо, что стрелять пришлось не ей...

Хлопнул выстрел, ударив по ушам и по нервам. Настя вздрогнула, но не обернулась. У нее есть свой сектор наблюдения, и она будет за ним смотреть – что бы там позади нее ни происходило.

Зазвенели о камешки лопаты, зашуршала земля, с тихим стуком падая на что-то мягкое и, вероятно, теплое.

У Насти вдруг перехватило горло – ведь несправедливо! Это так несправедливо! Вырвалась девчонка, выжила, прошла через такие мучения, позор, истязания, и вот так?! Да за что же такое наказание?! Она и нагрешить-то не успела!

Ад. Земля – точно ад. Настя слышала такое, только где – не помнила. Наверное, где-то прочитала. Мол, Земля – это ад для нагрешивших душ. Если ты сильно нагрешил – будешь жить долго и в муках. Если не очень сильно – будешь жить долго, счастливо, богато – со всеми удовольствиями. А самые слабонагрешившие отправляются назад уже в раннем детстве.

Интересно, а куда же тогда в этой теории укладывается всеобщее уничтожение человечества? Типа – отбыли срок? И как же Настя, Андрей, Мишка и Митька?

Они, значит, еще не искупили прегрешения? Потому будут и дальше мучиться?

Внезапно вспомнился старый хороший фильм «Белое солнце пустыни». Там главного героя басмачи прихватили на пляже и спрашивают что-то вроде: «Тебя сразу кончить? Или желаешь помучиться?» И он им отвечает: «Желаю помучиться!»

Вот и Настя так – не торопится в «рай». Помучается еще! А вообще – все странно. Странно, и...

Додумать она не успела. Бикнул сигнал джипа, неожиданно тонкий и несерьезный для такой здоровенной тачки, и Настя запрыгнула в салон на заднее сиденье. Джип рванул с места и покатил по проселочной дороге, выбитой в твердой земле за долгие, долгие годы.

И снова подумалось – а ведь скоро такие дороги зарастут! Некому будет их натаптывать. Да и асфальтовые зарастут – кому за ними следить? И тогда – на чем ездить?

И вдруг по голове как обухом ударило – лошади! Черт подери, лошади на ипподроме! Они ведь умирают с голода или уже умерли! От голода и жажды! Ухаживать-то за ними некому!

Наверное, странно сейчас было бы говорить о том, что надо поехать и посмотреть, что с лошадьми. Но вдруг еще есть живые? Ведь они им точно когда-нибудь понадобятся! Дороги кто будет поддерживать? Лет через двадцать дорог вообще никаких не останется!

– Парни, мне с вами нужно кое о чем поговорить... – начала Настя и замолчала, подбирая слова...

23 июня, день.

Андрей Комаров

Я все больше и больше восхищаюсь Настей. Нет, не только тем, что она красивая, умная и дельная! Хотя все это так и есть. Она еще и талантливая! Ведь я знаю, что Настя никогда не держала в руках оружия – до тех пор, пока не оказалась у нас. И что теперь? С закрытыми глазами разбирает и собирает автомат, пистолет, пулемет! А как стреляет? Да она теперь стреляет не хуже меня! А может, даже и лучше. Вон как ловко срезала собак-мутантов! Молодец, ей-ей, молодец!

Парни достали из багажника и опустили в могилу девчонку, которая некогда была человеком, а теперь стала... кем она стала? Я не знаю. Но только ЭТО, кем... или чем она стала, жить не должно?. Я уверен. И если со мной такое случится – пусть меня тоже убьют. Я не хочу бегать по дорогам безумным зомбаком и жрать трупы. Жрать человечину. Не по мне это!

Я поднял пистолет и нацелил его в голову мутантке. В последний миг перед выстрелом мне вдруг показалось, что в ее глазах мелькнуло понимание, она будто вынырнула из омута забвения и смотрела на меня пусть и белесыми, но вполне разумными глазами. Но скорее всего это мне просто показалось.

В любом случае – было уже поздно. Мой палец, нажимавший на спусковой крючок, выбрал слабину, дожал... и грохнул выстрел. Во лбу мутантки будто кто-то нарисовал красную точку, какую рисовали себе индийские женщины, а земля под затылком окрасилась вишневым цветом.

– Закапывайте! – хрипло сказал я и тихо, себе под нос, пробормотал: «Отче наш! Иже еси на небеси, да святится имя твое... да придет царствие твое...»

Я дочитал молитву еле слышным шепотом, глядя на то, как лопаты бросают землю вниз, на хрупкое тело девчонки, и в горле у меня стоял ком. За что? Ну, в самом деле – за что нам это?! Нагрешило человечество, факт, но почему ВСЕХ надо наказывать?!

Впрочем, это был глупый вопрос. Если и есть на небесах бог, то он совсем не тот добрый и всепрощающий бог, о котором нам говорили в церкви. Нет, бог на самом деле жесток и равнодушен. Если бы он был всеведущ и добр, никогда бы не допустил того, что творилось в истории человечества все эти тысячи лет. Он бы не допустил, чтобы умерли все – и негодяи, и хорошие люди! Нельзя быть таким жестоким, таким безжалостным ко всем сразу! Это НЕСПРАВЕДЛИВО!

Потом мы поехали домой. Говорить не хотелось, и все молчали, подавленные, мрачные. Вряд ли кому-то из нас прежде доводилось кого-то хоронить. И уж тем более не приходилось присутствовать при расстреле...

- Парни, мне с вами нужно кое о чем поговорить...

Я не вздрогнул, но голос Насти прозвучал настолько неожиданно в тишине, разгоняемой лишь рыком мощного движка, что это показалось странным. О чем еще она может СЕЙЧАС говорить, когда на сердце непроницаемая тьма и печаль? Когда вообще ни о чем не хочется говорить! Моя рука еще ощущала тяжесть пистолета, из которого вылетела пуля, убившая несчастную девчонку, о чем сейчас можно говорить? Я не пью, но сейчас с удовольствием выпил бы что-нибудь такое, что отправит меня в глубокий нокаут!

- Парни, а вы не задумывались о том, что мы будем делать, когда дороги совсем зарастут? Когда на машинах ездить будет нельзя? Я понимаю, вы сейчас можете сказать, мол, будем ездить на вездеходах, дороги чистить тракторами.

- Что ты предлагаешь? - спросил я, заставив себя спокойно отреагировать на слова Насти. В самом деле - мужчина я или нет? Какого черта так разнюнился? Взять себя в руки! Успокоиться! Думать о будущем! Как Настя это делает! Она молодец! А я - осел и чертов ботан!

- Лошади. Надо поехать на ипподром и посмотреть, что с ними случилось. Вдруг они еще живы? Представляете, разведем лошадей и будем на них скакать! И машин не надо! И дорог! Машины ведь когда-то сломаются, а где брать запчасти?

- С запчастями проблем не будет еще лет сто, - хмыкнул Митька. - Ты представляешь, сколько машин стоит по дорогам?

- Стоят, да! Ржавеют, гниют! - вмешался Мишка. - Кстати, неплохо было бы подумать и о том, чтобы пригнать машины на запчасти. Сломается джип - на чем поедешь? Или «КамАЗ»?

- А ты умеешь ремонтировать? - не выдержал я. - Сможешь отремонтировать «КамАЗ»? Или «крузака»?

– Кто-то же его сделал? Значит, другой может и отремонтировать. Поискать книжки по ремонту в библиотеках! Может, кто-то из парней соображает в ремонте!

– Я так-то соображаю... – неохотно признался Митька. – Помогал соседу ремонтировать «Ниву». Но я только в «Жигулях» чуть-чуть соображаю, в иномарках ничего не смыслю.

– Эй, эй! Мы ушли от темы! – возмутилась Настя. – Что насчет лошадей?

– Скорее всего они уже померли, – с сожалением сказал я. – Без еды, без воды... представляешь, сколько времени прошло со Дня непослушания?

– Представляю, – грустно сказала Настя. – Ну а вдруг? Почему бы не посмотреть?

Все замолчали. И я молчал. Но думал. Усиленно думал! И правда, почему бы нам не завести лошадей? Дороги на самом деле скоро придут в негодность. Да и машины развалятся. А вот лошади... лошади – это навсегда! Не пешком же ходить в самом-то деле? Зимой ка-ак... занесет! Ка-ак... навалит сугробов! Машина не пройдет, а вот лошадь – запросто. Не везде, конечно, но пройдет. Только где им корм взять? М-да... тут тоже проблемы. Да ладно, потом разберемся. Идея вообще-то нормальная. Если только лошади живы...

– В общем, так... идея хорошая, но скорее всего ничего не выйдет, потому что коняги уже передохли. Но, чтобы убедиться в этом, надо туда поехать. А чтобы поехать не так просто, чтобы по делу, мы поедем на грузовиках.

– РОВД? – понимающе кивнул Митька.

– РОВД, – подтвердил я его догадку. – Берем бензогенератор, инструменты и... работаем! Если в одном маленьком отделе было столько оружия, то сколько его будет в большом УВД?

– Много! – веско сказал Митька. – Очень много! Два грузовика надо брать! И то – хватит ли?

– Думаю, хватит, – пожал плечами я. – В общем, готовимся. Завтра утром поедем.

– Почему утром, а не сегодня? – спросила Настя, состроив недовольную, кислую рожицу.

Я следил за ее лицом, время от времени оглядываясь назад. Мне было приятно на нее смотреть...

– Потому что надо подготовиться! – компетентно заметил Мишка. – Распределить роли, отработать ситуации, подготовить инструменты и снаряжение. И вот тогда... Подождут твои лошади. Если за две недели с голодухи не померли, значит, ночь еще проживут. Только вот не знаю – а где их держать? Для лошадей вообще-то нужны конюшни! Кстати, ребята... а что насчет крупного рогатого скота? И насчет мелкого не рогатого? Мы что, одними консервами будем питаться? Скот держать не будем?

Честно сказать, за все эти дни такая мысль мне в голову почему-то не пришла. Как-то само собой разумелось – есть магазины, в магазинах имеется все, что нам нужно. Зачем думать о сельском хозяйстве? Если только рыбы наловить! А оно вон что... И правда – нам-то хватит еды. А нашим детям? Нашим внукам? Если передохнут все коровы (скорее всего они уже передохли!), если вымрут овцы, что будут есть наши потомки? Как возродить цивилизацию без сельского хозяйства?

М-да... интересную вводную дала Настя! Началось с лошадей, а закончилось... вон чем закончилось. Крупным рогатым и нерогатым скотом. А ведь еще и поля надо будет засеивать... А в городе где-то там есть селекционная база, какой-то там институт Юго-Восток, в котором ученые десятками лет культивировали различные сорта ржи, пшеницы, овса и всякой такой каши. Это ведь тоже нам понадобится! Не только скот!

Я ехал медленно, объезжая брошенные машины, и, уже когда до дома осталась пара минут езды, вдруг услышал выстрелы, донесшиеся откуда-то с окраины села. Или из центра? Палили, судя по всему, из охотничьего ружья – двойной, с малым промежутком выстрел. Двустволка, точно.

– Оп-па! Кто-то живой есть! – меланхолично прокомментировал Мишка и, открыв окно, впустил в салон горячий июньский воздух, пахнувший полынью и тленом. Запах тлена, запах гниющих трупов впитался в деревья, в заборы, в дома, в саму землю, и еще долго мы будем его чувствовать. Хотя уже давно к нему привыкли.

Сейчас я, наверное, смог бы при желании сидеть в двух метрах от разлагающегося трупа и есть свой бутерброд с ветчиной. Привык уже к трупам... впрочем, как и все остальные.

– Оружие в боевую готовность. Окна откройте, будьте готовы стрелять! – приказал я и свернул вправо, поднимаясь в гору, к церкви.

Чуть дальше церкви, на взгорке, находился большой коттеджный поселок. Я там ни разу не был, но видел его улицы, когда мы въехали в Усть-Курдюм. Улицы поселка протянуты перпендикулярно основной трассе. Кстати, как раз напротив этого поселка мы и подхватили Мишку, спасавшегося от мутантов. Мишка шустро бежал... до самой окраины добрался!

Дома в поселке совсем не бедные, хотя и не такие дворцы, как у тех, кто захватил себе участки возле Волги. Все-таки возле реки всегда было жить престижнее, чем на сухом взгорке, вот там и собралась вся саратовская «блатата».

Усть-Курдюм – старая-престарая деревня, ведущая свое летосчисление со времен царицы Анны Иоанновны. А может, даже и с Петра. Когда-то деревня была далеко за городом, аж в тридцати от него километрах. Что для времен Анны Иоанновны очень даже далеко – день пути, не меньше. Но теперь Усть-Курдюм почти Саратов – ну что такое двадцать километров от КП ГАИ на Горе? Тьфу одно, если ехать на современной машине. Хм... а вот на лошади будет как раз день пути... или полдня. Это зависит от того, как ее погонять!

Мы свернули и остановились возле крайнего дома коттеджного поселка, не въезжая ни в одну из улиц (их тут было четыре), и стали слушать. Минут пять ничего не происходило, потом жажнуло, и явственно стало слышно, как то ли дробь, то ли картечь прозвенела по знаку «Уступи дорогу». Знак вздрогнул и покрылся оспинами попаданий.

– Ни хрена себе! – выдохнул Митька и, наклонившись, проверил предохранитель на автомате. – Щас по нам ка-ак врежет! Запоем тогда!

– Куда он палит? – Мишка недоуменно скривил губы. – Неужто в нас пытается попасть? А может, поехали отсюда? На кой черт нам этот дебил?

Я подумал, пожал плечами:

- Мало ли... может, от мутантов отбивается... да промазал!

- Ну и что делать? - Митька сплюнул в окно. - Да пошел он на хрен, такой... чужак! Поехали домой, Андрюх! Без него дел хватает!

- А если он там с мутантами бьется? Если погибает один и помочь некому? - вмешалась Настя. - Я пойду! Сейчас вылезу и пойду к нему!

- Не вылезешь и не пойдешь! - жестко сказал я. - Не хватало нам тебя потерять! Не пойдешь!

- Не хватало Андрюхе тебя потерять! Он же в тебя втрескался, только о тебе и думает! - влез Митька и тут же спохватился: - Ой! Прости, Андрюх... я просто языком трепанул не подумав! Извини!

- Андрюха прав! - слава богу, вовремя вмешался Мишка (предательский румянец пополз по моему лицу, и я не мог с ним ничего поделаться). - Настя, из-под прикрытия машины выходить нельзя. Какая-никакая, а защита. Получишь заряд дроби в живот - мне кажется, тебе это не очень понравится. Ведь не очень?

- Не очень! - не удержавшись, фыркнула Настя и как-то странно посмотрела на меня, эдаким оценивающим взглядом. - Ну так что делать, предлагай, командир!

Я кивнул:

- Подъезжаем вплотную к забору... Тот, кто стреляет, садит откуда-то со второго или третьего этажа, а под забором он нас не достанет. Ну и кричим! Ты будешь кричать, Настя. Может, женский голос ему больше понравится. А то вдруг примет за банду и начнет по нам палить.

- А ты думаешь, в банде не может быть женщин? - резонно заметила Настя и махнула рукой. - Да нормально, другого ничего и не придумаешь. Давай!

Я завел движок, повернул руль и с места рванул тяжелую трехтонную машину прямо к забору, надеясь, что этот чел не станет по нам палить. Но чел стал.

Дробь сыпанула по капоту, и грохот был таким, будто в нас запустили пригоршней гравия.

На удивление – даже краску не облупило! Покрытие металла джипа, похожее на окаменевшую кожу, с честью выдержало испытание, и на капоте остались только темные полосы от ударивших в него свинцовых шариков. «То ли «Раптором», то ли антигравием покрашено», – отстраненно подумал я и, почти вплотную прижав машину правым боком к забору, завопил в окно, забыв, что поручил это Насте:

– Эй ты, придурок! Какого хрена стреляешь?! У тебя что, крыша поехала?! Мы не хотим причинить тебе зла! Прекрати стрелять!

– Мутанты поганые! Всех вас убью! Всех!

Голос парня срывался, и было в нем что-то такое, что заставило меня страдальчески поморщиться. Терпеть не могу пьяных!

– Да он пьяный в умат! – удивленно протянул Митька. – Он ничего не понимает! К нему «белочка» пришла!

– Кто пришел? – заинтересовалась Настя.

– Белая горячка, – пояснил я. – «Белочка»... так белую горячку называют в народе. А Митька у нас плоть от плоти народа! Вот и...

– Сам-то? – фыркнул Митька. – Если мама врачиха, а папа мент – ты не от народа, что ли?

– От народа, от народа... – задумчиво протянул я, соображая, что делать, и вдруг оторопело уставился в нечто черное, длинное, что появилось из-за забора и уставилось на меня черными бездонными зрачками. Я уже не успевал ничего сделать, тем более что встал к забору правым боком и выстрелить мог только сквозь стекло. В принципе так и надо было сделать, но я почему-то замер (стекло лобовое пожалел, что ли?!) и только смотрел, как шевелятся «ноздри» двустволки, вынюхивая себе цель. А целью был я, окаменевший, как тупая статуя, и сидевший на своем месте, как истукан острова Пасхи.

Очередь прогремела так громко, что я слегка оглох. «ПК» калибра 7.62 снес с забора и двустволку, и того, кто ее держал в руках. Ненормальный не успел выстрелить, а вот Мишка – успел.

– Да ни хрена себе! – Митька вытер лоб и обернулся, широко раскрытыми глазами глядя на соратника. – Ты мне чуть башку не снес! Меня даже пламенем опалило! Чуешь, палеными волосами воняет – вот! Мишк, ты охренел!

– Не снес же, – мрачно заметил Мишка. – Он собирался Андрею башку снести, и что мне было делать? Пойдем посмотреть, кто это был?

– А толку? – ожил я, чувствуя себя совершеннейшим ослом. Почему я застыл? Почему не выпрыгнул и не открыл огонь?! Ей-ей, меня будто парализовало!

М-да. Первый и последний раз так поступаю. Эдак и сдохнуть можно!

– Ну как... толку... посмотрим, дом разглядим! Может, там и еще кто-то есть! – запротестовал Митька, но я только рукой махнул:

– Не фига там делать. Убили – и убили. И пусть лежит. А если бы кто-то был жив – уже бы появился.

Все замолчали, обдумывая. Честно сказать, настроение, которое и так было отвратительным, испортилось окончательно. Что-то людей становится все меньше и меньше... как будем размножаться? И я невольно посмотрел на Настю. Она почувствовала мой взгляд и улыбнулась:

– Не переживай, командир! Главное, живой! Саданул бы гад сквозь стекло, и что бы тогда?

– Тогда я бы командиром стал! – гоготнул Митька. – Хотя нет. На фиг оно мне надо? Настьку командиршей бы поставили! Она вредная, вьедливая, не хуже Андрюхи, так что ей командовать сам бог велел!

– Чёй-то я вредный? – делано оскорбился я. – Вот кто вредный, так это ты! Вечно всякую чушь несешь!

- И совсем даже не чушь... - ехидно ухмыльнулся Митька. - Я промолчу, ладно!

Я посмотрел на него уничтожающим взглядом огнедышащего дракона, вызвав только тихий смешок, завел машину и аккуратно, на всякий случай стараясь держаться под прикрытием забора (вдруг безумец все-таки выжил?!), двинулся вперед. А потом медленно поехал по улице между домами:

- Кричите в окна! А я буду бибикать!

- Что кричать? - деловито осведомился Митька.

- Да что угодно! Например: «Есть кто живой?!» Или - «Поясните за шмот!» Или - «Ты кто такой, давай до свиданья!» Мить, ты что, совсем того? Чего глупые вопросы задаешь? Давай! Ори! Насть, помогай! Может, на женский голос полезут...

Мы проехали вдоль заборов, за которыми стояли как минимум десятка два домов, потом я развернулся и поехал назад. И тут на дорогу вышел человек! Даже два! Нет - трое! Два парня и девчонка! Парням лет по двенадцать-четырнадцать, девчонке... девчонке, похоже, столько же. Смотрят настороженно... Хорошо, что мы уже убрали стволы.

Подъехал, остановился. Стоят спокойно, но смотрят с опаской, без радости. Странно! Должны бы вроде кинуться навстречу - живые люди ведь! Цивилизация! А они как неродные. Кто-то уже тут побывал? Или просто напуганы сами по себе?

- Привет! - поздоровался я.

- Привет... - поздоровался мальчишка, что стоял впереди, - худой, лохматый, в шортах и майке.

- Как дела? - спросил я.

- Дела хреновые, - ответил тот же парнишка. - А у вас?

- Тут ваш сосед палил из ружья, - переменял я тему. - Что за дурачок такой?

– Это Костик, прокурорский сын. Он всегда дурной был, – равнодушно пояснил второй парень, прилизанный, ухоженный – ну копия Мишки! – И папаша у него был дебилый. То не ездил возле их дома, то не ходил – вечные скандалы. Говенная семейка.

– Теперь нет семейки, – равнодушно бросил Мишка. – Я его завалил. Он хотел выстрелить в нашего командира. Не успел.

– Командира? – спросил первый, оценивающе осматривая нас и наше снаряжение. – Вы вообще откуда?

– Отсюда. Из Усть-Курдюма. Наша база внизу, у Волги. У нас небольшая община. Там и живем.

– А! Ясно. В газпромовских домах, – кивнул первый. – И что хотите?

– Жить! – слегка раздраженно пояснил я. – А что же еще? Хотите быть с нами – поехали. Не хотите – сидите тут. Только сразу предупреждаю: если с нами поедете, будете выполнять все, что вам скажем. Работать на общих основаниях, как и мы. Подчиняться командованию общины.

– А оно нам надо? – пожал плечами парнишка. – Подчиняться вам? А кто вы такие? Откуда я знаю? У нас и тут все есть.

– А зимой что будете делать? А когда отключится электроэнергия? А когда запасы закончатся – что будете делать? Не знаешь? В общем, надумаете, спускайтесь по дороге до Волги и там нас ищите. Не хотите – сидите здесь. А нам с вами долго болтать некогда. Вас сколько здесь?

– А с какой целью спрашиваешь? – нахмурился мальчишка.

– С такой, черт подери! – уже откровенно разозлился я. – Сообщите по соседям, что мы приглашаем всех желающих к нам жить!

Больше не говоря ни слова, я включил первую передачу и поехал мимо замерших у обочины жителей поселка. Мне было досадно, но вообще-то я их понимал. И правда – а кто мы для них такие? Чужаки в камуфляже, обвешанные оружием.

Да еще и убившие их соседа – поганого соседа, но своего, не чужого!

Джип покатился по улице, оставив за кормой троицу аборигенов. Мы молчали. Даже Митька молчал, и это очень странно – неужели начал меняться и теперь не всегда будет трепать языком попусту? Обычно он не упускает возможности вставить свое словцо где надо и где не надо.

Нет, Митька в своем репертуаре! Я погорячился.

– Андрюх! А на кой черт нам нужны эти мудаки? Я же вижу – мудаки! Я их насквозь вижу! Придут такие – на все готовенькое! А мы что? И будем с ними цацкаться?! Не нужны нам такие придурки! Правильно, ребя? Настя, ну скажи – правильно говорю? На кой они нам?!

– Мить... – Настя задумалась, глядя в окно. Я ехал медленно, можно сказать шагом. Почему? Сам не знаю. Просто задумался и тащился на первой передаче, накатиком. Автоматически, совершенно неосознанно.

– Мить... – продолжила Настя. – Если мы не будем набирать людей, как восстановим цивилизацию? Как жить-то будем?

– Как?! – ухмыльнулся Митька. – Ты с Андрюхой, он спит и видит, как с тобой будет жить!

Я аж поперхнулся – вот же сволочь!

– Я с Ленкой! – продолжал Митька. – Ну а Мишка кого-нибудь из девчонок-роботов подберет! Да хоть всех! Типа гарем! Нарожаем детей, научим их всему и будем жить! Как еще-то?!

– Чёй-то мне роботесс? – обиженно фыркнул Мишка. – Нет, ну так-то есть среди них ничё так девчонки, но, может, я сам с Леной хочу! Она мне нравится! Чёй-то ты ее себе прихватизировал?

– Вообще-то стоило бы вначале Лену спросить! – Настя неодобрительно помотала головой. – С чего вы решили, что она будет жить с кем-то из вас? Например, может, она захочет с Андреем! Она на него чуть не молится!

– И чё теперь, у Андрюхи сразу две жены будет?! – Митька искренне возмутился таким коварством. – А нам роботессы?! А не жирно будет, Андрюх?

– Ты чё несешь?! – не выдержал я. – Ты чего вообще языком треплешь?! Митька, я щас тебе навешаю так, что ты забудешь, как языком трепать! Навсегда!

– А чего я вредного сказал? – неожиданно серьезно спросил Митька. – Что, неужели не понятно, к чему идет? Нам нужно иметь детей, иначе все не имеет никакого смысла! Да что скрывать, если ты от Насти тащишься! Да на тебя смотреть страшно, когда ты на нее смотришь, как собака на хозяина! И Настька права... Ленка на тебя смотрит так, что аж завидно. Хм... нет, так-то я не против, если мы возьмем к нам еще девчонок... много девчонок! Будет много детей, будем жить! Цивилизацию воскрешать! Кстати, а ты думал над тем, чтобы написать какие-то законы? По каким законам будем жить?

– Монархия! – отрезал Мишка, прервав Митькины излияния. – Только монархия, самодержавие. Монарх, его приближенные и... все остальные. Нет, так-то законы какие-то нужны, обязательно нужны! Но монарх должен иметь право блокировать закон или, наоборот, быть над ним. Это и есть самодержавие. И насчет девчонок – Митька прав, Андрей. Когда будем разрабатывать законы нашей новой жизни, нужно разрешить многоженство. Как у мусульман. У нас должно быть много детей.

– Ребята, а вы уверены, что у нас вообще могут быть дети? – вдруг тихо, совсем еле слышно спросила Настя.

– То есть?! – в один голос вскричали Мишка и Митька, а я невольно кивнул, с лету поняв мысль Насти.

– А то и есть, – вздохнула Настя. – Вы уверены, что вирус испарился? Исчез? Что он не находится в наших телах? Не витает в воздухе? Представьте – кто-то из девчонок забеременел. Что будет с ребенком? Вы помните, что случилось со всеми, кто моложе десяти лет?

– Если так рассуждать, окажется, что у нас нет никакого будущего! – нервно хмыкнул Мишка. – Доживем до старости, а потом и передохнем! И не будет на Земле людей!

– Будут, – криво усмехнулась Настя. – Мутанты. Размножатся, заполнят Землю. Будут охотиться на зверей, друг на друга. И снова станут людьми. Нами...

Мы все замолкли, слегка потрясенные нарисованной перспективой, и Мишка восхищенно присвистнул:

– Вот это да! Насть, ну ты гений! Или генийка? Как правильно, если гений женского рода?

– Настя! Зови меня просто – «гениальная Настя»! Хи-хи...

– Гениальная Настя! Андрюх, ты понял, что она задвинула?! Представь, что каждые несколько десятков или сотен тысяч лет на Землю падает метеоритный дождь, заносающий на нее некую болезнь! Цивилизация вымирает, оставляя после себя... кого? Неандертальцев! Или питекантропов! Да я не знаю, как они называются, но, в общем, дикарей, которых мы считаем нашими предками. Хм... в принципе они и есть наши предки, да. Только не дикари. Наши предки – люди, цивилизацию которых уничтожил вирус. И которые превратились в дикарей. И все по кругу! Все снова! Кстати, может, так и динозавры образовались! Это мутанты!

– А где тогда остатки цивилизаций? Где дома, дороги и все такое прочее из прежних цивилизаций? – хмыкнул я. – Версия хорошая, только шаткая очень. Совсем шаткая.

– За сто лет от городов ничего не остается. А ты представь, если прошло сто тысяч лет? Да все в песок сотрется! Превратится в пустыню Сахару! А знаешь, что есть археологические артефакты, которые не хочет принимать официальная археология? Ты слышал про то, как в угольных пластах нашли болт?

– Чей болт? А сиськи там не нашли? – хихикнул Митька и тут же ойкнул, потому что Настя отвесила ему подзатыльник:

– Не опошляй! Ну все опошлит, мерзавец!

– Андрюха! Утихомирь свою жёнку! – Митька демонстративно потер затылок и обиженно уставился на порозовевшую Настю. – Ты своего мужа лупи! А меня –

нечего! Меня моя жена лупить будет!

– Заткнись, Мить, а? Какие жены? Какие мужья?! Ты чего несешь?! Нам вообще-то по пятнадцать лет!

– Митька, конечно, болван, – невозмутимо сообщил Мишка, – но насчет возраста это ты зря. Все выжившие девчонки – скорее всего, хотя я не проверял, – уже взрослые женщины, которые практически почти закончили возрастное преобразование. И мы, парни, взрослые мужчины, способные продолжить род. Так какие же мы дети? вспомните, во сколько лет женились и выходили замуж в старину? И вообще, хватит уже смущаться, не будем стыдиться разговоров о семье и детях! вспомни, Андрей, мы одни в этом мире! Теперь МЫ взрослые! Теперь от нас зависит, останемся мы в этом мире или нет! Останутся ли наши дети! Наши внуки и правнуки!

– Скоро увидим, можем ли мы иметь детей, – бесцветным, лишенным эмоций голосом сказала Настя. – Всех девчонок ежедневно насиловали, и не по одному разу. Толпой. Никакой постинор им точно не поможет. Месячных ни у кого не было – за все время, что они у нас находятся. То есть скорее всего они все беременны. Если беременность не прервется, если дети родятся – у человечества есть будущее. Если будут выкидыши – нам всем конец. Нашей цивилизации. И по Земле будут бегать толпы мутантов. Если, конечно, они могут родить... А если не могут – останутся только те виды живых существ, что могут рожать. Вот так, ребята...

Мы молчали. А что еще скажешь? Не хочется верить в плохое, совсем не хочется! Только кто меня спрашивает – верю я или нет? Все так, как оно есть, – и никак иначе.

Глава 2

23 июня, день.

Лена Самохина

Ворота с грохотом закрылись за джипом, Лена прислушалась к удаляющемуся рокоту мощного двигателя и замерла на месте, прикрыв глаза, прислушиваясь к своему организму. Что она хотела услышать, почувствовать – Лена и сама не знала. Если она забеременела после изнасилования – все равно ведь не услышит и пока что не почувствует. Тогда зачем слушать?

Лена была очень умной девушкой. Очень. И образованной девушкой – в различных областях знаний. И ее ума хватало понять, что с ней не все в порядке, что у нее имеется психическое отклонение от нормы. Раньше это была боязнь показать свое обнаженное тело кому-либо, даже близким, родным. И уже тем более показаться раздетой перед подругами и... друзьями.

Впрочем, как раз друзей-то у нее и не было. Друг – это существо мужского пола, которое постоянно думает о том, как бы это Лену раздеть, и... да, заняться с ней сексом. А чтобы мужчина, парень, не добрался до тела Лены и не занялся с ней сексом, надо просто быть от него как можно дальше. Насколько возможно – дальше! И тогда все будет хорошо. Наверное.

И вот ее наказали. Кто наказал? Если есть бог – то это он. Или Судьба – что, впрочем, одно и то же. Боялась обнажиться при людях? Так с нее сорвали одежду и рассматривали, как экспонат в музее порнографии, отпуская глумливые замечания и радостно обсуждая способы, которыми ее будут насиловать.

Боялась секса? Получила – десять парней, во всех позах, грубо, мерзко, грязно и очень больно. Очень больно.

Была ли у нее мысль покончить с собой? Была, конечно. Это ведь так легко – выстрелить себе в голову и тут же отправиться на встречу с папой и мамой! И пропади пропадом этот мерзкий мир!

Что ее остановило, почему она не сделала этот шаг? Сама не знала. Что-то остановило, вот и все. Любовь? Ну да, она влюблена в Андрея, что вообще-то очень, просто-таки невероятно глупо! Почему? Да потому что он вообще-то парень! А ее недавно изнасиловали, и какие ей теперь любви?! Она теперь должна была бы ненавидеть всех парней! Судя по прочитанным книжкам.

Нет, ну в самом деле – срезала косу, побрила голову практически налысо – чтобы ничего не напоминало о пыхтящих, слюнявых, вонючих насильниках, просовывающих в ее тело свои поганые отростки! Эти твари, когда насильничали, держали ее за косу – роскошную, золотистую косу, которой так гордилась мама Лены и она сама, и приговаривали, что эта коса сделана как раз для того, чтобы было удобнее трахать сучку. Вот Лена и состригла эту самую косу, предавшую свою хозяйку. А потом похоронила ее в земле – потихоньку выкопав могилку в углу сада, под вишней.

Это были символические похороны. С косой Лена хоронила себя саму – прежнюю Лену, домашнюю девчонку, для которой не было большей радости, чем радовать своими отметками и своим поведением любимых родителей. Которые сейчас гнили в квартире, использованной Настей и Леной для того, чтобы устроить там некое подобие склепа.

Так вот как она могла влюбиться в парня, о котором неделю назад и знать не знала, и ведать не ведала?! Это нелогично! Это глупо до самой что ни на есть последней буквы слова «любовь»! Этого просто не может быть!

Только вот и того, что происходит вокруг, – «не может быть». Смерти этого мира не могло быть! Трупов, валяющихся по дорогам, не могло быть! Мутантов, охотящихся за людьми, не могло быть! И на этом фоне влюбленность в незнакомого доселе парня – это просто цветочки.

И тем более странно, что на самом деле Лена должна была ненавидеть всех мужчин. Всех! Всех, кто является потенциальным насильником! В том числе и Андрея. Но этого не произошло. Почему? Лена думала над этим, и не раз. И пришла к некоему, может быть, и не совсем логичному, но все-таки выводу: после того как Андрей со своими друзьями освободил ее и остальных девчонок из рабства, в ее сознании он накрепко закрепился как Спаситель, Мужчина с большой буквы. Каким, к примеру, был ее отец – ради своей семьи способный на все. И не надо было обольщаться тем, что он был всего лишь преподавателем истории. Лена точно знала – отец ради нее и ради мамы уничтожил бы кого угодно. И сам бы погиб ради них. Лишь бы они жили. И вот образ отца слился в сознании Лены с образом Андрея, явившегося эдаким ангелом-спасителем в камуфляжной форме.

Нет, тут нет и не было никакого извращения, никакого «комплекса Электры». Отец в сознании Лены был существом бесполом, защитником, и никогда у нее не

возникало комплекса, придуманного греками-извращенцами.

Но вот дальше все было не так просто. Анализируя свои ощущения, свои желания и свои устремления, Лена поняла, что одной благодарностью за спасение тяга к Андрею не ограничивается. Что ей на самом деле хочется быть с Андреем как с мужчиной. Ходить с ним под ручку, обнимать его, прижиматься к его телу, целовать его... заниматься с ним сексом! Да, да, и это после того, как ее насильовали, и у нее обязательно должно было появиться, просто не могло не выработаться отвращение к этому самому процессу размножения!

Это могло случиться только в одном случае – прежней Лены теперь не было. Она умерла. И ЭТА, нынешняя Лена похоронила прежнюю девчонку вместе с ее пышной косой. Похоронила воспоминания о насилии, о часах ужаса, когда она смотрела на то, как притаскивали и забрасывали в комнату девушек, носивших на обнаженных телах следы истязания и самых изощренных извращений. И ждала с минуты на минуту, что с ней вот-вот сделают то же самое. И думала о том, что, может, лучше сразу перегрызть себе вены и умереть от потери крови, – ведь у Насти скорее всего ничего не выйдет, Настя не сможет ей помочь. Да и зачем? Кто она такая для Лены? Чужая девочка, случайно встретившаяся на ее пути.

Нынешняя Лена была совсем другой. Пусть и не совсем нормальной, но вполне уверенно выживающей в этом мире. Ну да, теперь она не терпела ни малейших признаков волос на своем теле – кроме бровей да короткой «шерстки» на голове. Она бы и эти волосы повыщипала, но, будучи очень умной девочкой, понимала, что соратники не оценят таких изысков косметологии и будут с подозрением смотреть на безбровую, безресничную, безволосую соратницу. А вот в других местах – почему бы эти волосы не выдергать? Именно выдергать, чтобы они как можно дольше не росли. И кстати сказать, боль при выдергивании волос Лене даже нравилась. Она чувствовала себя при этом очень живой, настоящей, ощущала себя! И потому почти все свободное время посвящала тому, чтобы дергать из себя волоски, находя их и в самых укромных, труднодоступных уголках тела. Старалась это делать так, чтобы никто не видел, – даже Настя, с которой они теперь были практически как сестры, но иногда не получалось. С Настей они жили в одной комнате и спали в одной постели.

Кстати сказать – и здесь никакого извращения. Если они иногда и засыпали обнявшись, прижавшись к друг другу, то не было в их объятиях никакой сексуальной подоплеки. Так засыпают дети, обняв кошку или плюшевого

медведя. Так засыпают в объятиях любимой мамы, чувствуя идущее от нее доброе тепло. Ведь иногда так хочется прижаться к родному существу, так хочется покоя, добра! И Настя стала для Лены таким человеком.

Когда Настя, стоя перед захватившими их бандитами, вдруг выдала им сказку о том, что где-то там в квартире дожидается толпа красивых девчонок и что она, Настя, проведет бандитов к ним и сдаст всех, как и положено продажной суке, – Лена вначале не поверила своим ушам, а потом, через пару секунд, все поняла. И одобрила. Скорее всего Настя за ней, Леной, не вернется. Просто никак не сможет ее освободить. Ну нет у нее такой возможности и не будет! Но почему они должны погибать вдвоем? Пусть хоть Настя спасется! Пусть хоть ей повезет! Хоть память о Лене останется...

А когда она все-таки появилась, да еще и в сопровождении вооруженных парней – это было просто невероятно! Невероятно и здорово, как крупный выигрыш в лотерее!

И Лена любила Настю – не так, как Андрея, но так, что порвала бы за нее всех на свете! Кроме Андрея, конечно...

И она делилась с Настей мыслями, когда на нее вдруг накатывало такое желание. Лене иногда хотелось, очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Обсудить, поделиться размышлениями. А если Настя спрашивала Лену о чем-то, даже о том, о чем Лене не хотелось говорить, – она все равно ей отвечала. Ведь это же Настя! Настя – часть Лены, можно сказать, ее сестра, сестра, которой у Лены никогда не было и о которой она мечтала с самого детства. Старшая сестра, которая заботится, которая оберегает.

Лена знала, что Андрей влюблен в Настю. Но это ничего не значило. Она не собиралась отнимать его у своей сестры. Если та позволит – они будут жить вместе, две жены. Почему бы и нет? В исламе, например, можно иметь шесть жен, так чем плохо, если будут две? Новая жизнь, новые времена.

Настя знала, как Лена относится к Андрею, и не возражала – пусть себе, от него не убудет. Да и как она могла Андрею и Лене запретить быть вместе, если они захотят? Настя так и сказала: «Не бойся, никто и никогда не встанет между нами, никакой мужик! Мы с тобой вместе – навсегда! Я тебе верю. И ты мне веришь. И я не предаю. И знаю, что ты меня не предашь!»

И тоже было признаком нового времени. До Дня непослушания Лена никогда бы не стала доверять девчонкам. Девчонки слабые, коварные, неверные. Так всегда говорила мама, так говорил и папа. Стоит только кого-то полюбить, и тут же найдется разлучница-«подруга», мечтающая о твоём муже.

Мама знала, что говорила, – Лена слышала разговоры взрослых и, будучи не по возрасту развитой девочкой, начитавшейся книг, поняла – мамина бывшая подруг тетя Валя соблазнила отца и уговаривала его бросить семью и уйти к ней. И ведь эта коварная тетя Валя постоянно бывала у них дома, приходила на праздники и дни рождения! Мужа у нее не было, хотя женщиной она была красивой – длинноногая, огненно-рыжая, высокая. Вот и попыталась устроить свое счастье за счет Лены и ее мамы. Но ничего не вышло. Одно дело переспать с чужим мужем, другое – увести его из семьи. Соблазнить можно практически любого мужчину, а вот оторвать его от семьи – это по силам далеко не всем разлучницам. Вот у нее и не вышло.

Лена слушала разговоры родителей поздней ночью, подкравшись к двери и приложив ухо к дверной щели. Тогда она была просто потрясена – как так?! Папа соблазнился этой рыжей ведьмой?! После мамы?! После Дюймовочки?!

Больше в их доме тети Вали не было. Никогда. А папа с мамой вели себя так, будто ничего не произошло. И если бы Лена не слышала, как мама рыдала, сидя за столом в кухне, если бы не слышала, как убитым голосом просил прощения папа, – никогда бы не поверила, что такое могло случиться.

Кстати, как Лена поняла из того разговора, о связи папы и тети Вали сообщила маме сама тетя Валя. «Со мной ему будет лучше! Мы любим друг друга!» Ох и дуреха! Просто идиотка.

Настя была совсем другой. Жесткая, когда надо, и мягкая, добрая, когда кому-то плохо. Честно сказать, она больше была похожа на мальчишку, чем на девчонку, – резкая, прямая, без «двойного дна», веселая и умненькая.

Кстати, как и Лена, Настя коротко подстриглась – не так коротко, как Лена, но очень коротко. Лена ее и стригла – не очень умело, но вполне пристойно. Машинки для стрижки и ножницы они добыли в Юбилейном, в одной из парикмахерских, и теперь стрижки для них были плевым делом. Короткая прическа гораздо удобнее – и мыться легче, и для боя лучше – волосы не

мотаются по ветру, не закрывают глаза, не цепляются за кусты и заборы. А сейчас бой – это главное. Все остальное потом. Когда «потом»? Да кто знает когда...

Андрей обращал на Лену внимание не больше, чем на остальных соратников. Вот Настя – это да, на нее он смотрел так, что Лене становилось грустно. Нет, она не завидовала Насте. Завидовать нехорошо! Но очень хотелось бы, чтобы именно ее, Лену, Андрей обнял, прижал к груди, спросил – плохо ей или хорошо. Просто сел рядом и помолчал, держа ее за руку...

Впрочем, он и с Настей не сидел, не держал за руку, не обнимался и уж тем более не занимался сексом. Даже не заговаривал об этом. Только смотрел, смотрел, смотрел...

Время. Время все решит. Все расставит по своим местам. Сколько надо будет этого времени? Да кто знает? Какая разница – сколько? Год, два, три... но она все равно будет с Андреем. Это судьба.

Возраст? Ей уже почти шестнадцать лет. В старину выходили замуж и в двенадцать. Как только месячные начались – все, можно замуж. А чем теперь не Средневековье? И будет у нее пять детей – не меньше. Три мальчика и две девочки. А может, и шесть! Трудно, конечно, вырастить столько детей, она же маленькая, хрупкая, но Лена постарается. Для своего любимого – постарается! И для себя. И для этого мира.

Все изменилось, и она изменилась. Нет прежней Лены. И нет прежнего мира. Хоть плачь, хоть не плачь – ничего уже не вернешь.

Лена развернулась и пошла в дом. Надо будет активизировать девчонок – пусть займутся уборкой. Пыль сотрут, полы помоют. Лето, тут всегда дует ветер – пыль натаскивает! А где пыль, там и грязь, там и болезни.

Девушки сидели в гостиной, где она их и оставила. Сидели молча, глядя в пространство и только иногда моргая длинными ресницами. Роботы, да и только!

Лена вдруг вспомнила фото из Интернета, на нем была запечатлена секс-кукла, сделанная в Японии. Красивая и неживая. Если не присматриваться, не

отличишь от живой девчонки. Так и тут – вроде как живые, но... не совсем живые.

Лена их всех подстригла по своему образу и подобию, так что волос у них теперь почти не было. Одели их в шорты и майки – пришлось распотрошить магазин одежды, так что теперь этой самой одежды тут было как... в магазине. Много одежды!

С трусиками и лифчиками заморачиваться не стали. Да и какие лифчики девчонкам 12–15 лет? Все или плоские, или с твердыми бугорками-грудями – нечего тут лифчику удерживать! Пока нечего. Не отвисает и не мешает.

Лена подошла к темноволосой девочке, сидящей на стуле, остановилась перед ней и заглянула в глаза «роботессе».

– Ты слышишь меня? Слышишь? Эй, скажи что-нибудь! Как тебя звать? Как твое имя?

Девчонка не ответила. Она молча смотрела сквозь Лену – безмятежная, спокойная, живая статуя, да и только. И так они все, все десять девочек. Молчат, ничего не отвечают, но делают то, что им скажут. Почему делают и как они понимают, что нужно делать, – неизвестно.

Воздействие болезни? Ну ладно там – одна, две девочки, но сразу десяток?! Лену и Настю тоже насильовали и били, не так, как этих девочек, конечно, но... все-таки. Так почему Лена и Настя не сошли с ума? Впрочем, по большому счету и Лена спятила. Только по-своему, не так, как они. Она полностью изменилась – и прическу сменила, и одевается не как девчонка. Разве это не признак сумасшествия?

Или вот эта патологическая влюбленность в Андрея, которого она практически и не знает, но втрескалась в него, как... как... Лена не могла подобрать определение. Мозг отказывался его подобрать. ТАК влюбляться в мужчину – просто патология. Она бы сделала все, чего бы он ни попросил. Вернее – потребовал бы. Все, абсолютно! И при одной мысли о том, что она может ему позволить все на свете, у Лены начинали «летать бабочки в животе».

Раньше она слышала это выражение, читала о нем в книгах, но считала это каким-то глупым преувеличением склонных к пафосу писателей – для таких же восторженных и глупых читательниц, любительниц романтического фэнтези. Ну какие еще насекомые – ТАМ?! Если только «смешные», для анекдотов. А вот оказалось – и ей пришлось ощутить, что это такое. Когда смотришь на объект обожания, и у тебя вдруг в животе становится легко-легко, когда приливает кровь, когда у тебя все трясется и теплеет, и одна в голове мысль: «Я хочу его видеть! Я хочу его касаться!»

Ужасно. Вообще-то это ужасно. И совершенно не соответствует психотипу Лены, ее воспитанию, ее мировоззрению. Мужчины в ее жизни были где-то между статистикой рождаемости в Гондурасе и брачным поведением хамелеонов острова Корфу. Кстати, насчет хамелеонов – это гораздо интереснее, чем всякие там бабочки в животе.

Нет, Лена не была абсолютно наивной, глупой девочкой, ничего не понимающей в отношениях мужчин и женщин и, как институтки Смольного, называющей куриные яйца «куриными фруктами» (ибо «яйца» слово неприличное и намекает на мужской пол). Разве в век Интернета кто-то узнает о сексе и обо всем с ним связанном только из рассказов дворовых девушек или учебников биологии? Интернет заполонила всевозможная порнуха, и, чтобы разузнать и рассмотреть в подробностях, надо всего лишь сделать соответствующий запрос! Но Лене это было просто-напросто неинтересно. Ну не было в ее ближайших планах отношений с мальчиками, и уж тем более со взрослыми мужчинами (привет Лолите!). Она была серьезной девочкой, образованной, выдержанной, воспитанной, ровной в отношениях и с девочками, и с мальчиками. Ни с кем не ругалась, ни с кем особо и не дружила.

И не сказать, чтобы на нее не обращали внимания мальчики-одногодки и даже парни гораздо старше, – как только Лена начала округляться, у нее начала расти грудь (очень, кстати, внушительная для такой маленькой «Дюймовочки»), предложений «дружить» у нее было более чем достаточно. И совсем даже не от каких-то пропащих парней, наоборот – красивые, положительные, даже учтивые приглашали гулять, в гости, на пляж и в кино. Но Лена как-то так умело, необидно отказывала им всем, и через некоторое время за ней закрепилось звание Недотрога, но, как ни странно, без обидной составляющей. Может, потому, что она не выделяла никого и не отбивала парней у одноклассниц? Не подличала и не наушничала?

Наверное, так и есть. В ней не видели конкурентку, и в ней не видели гордую «принцессу», которая отказывает парням потому, что считает их ниже себя «качеством». Ну просто вот она такая... большой ребенок, выглядевший как маленькая женщина. Немного не в себе, из-за того что перегрузила мозг излишним усердием в учебе.

И никто не знал, даже не мог догадываться, что эта недотрога, которая не рискует показаться раздетой даже в раздевалке среди одноклассниц, наедине с собой позволяет себе помечтать о том, с кем проведет всю свою жизнь. И этот мужчина будет огромным, могучим, смелым и умным – как ее папа. А до тех пор, пока она не встретит своего Мужчину, перед которым не постесняется раздеться, – обойдется и просмотром неприличных роликов. Когда никто не видит. Снять напряжение, мечтая о Мужчине, можно разными способами, вполне доступными развитой, взрослой, продвинутой современной девушке.

Ну да, она не такая недотрога, как все думали! Но разве жизнь не состоит из формы и содержания? Которые совсем не всегда совпадают друг с другом...

Лена вздохнула, отвела взгляд от пустых глаз «роботессы», шагнула к двери, и вдруг сзади послышался тихий голос:

– Катя.

Лена едва не вздрогнула, резко повернулась, посмотрела в глаза девочке и растерянно спросила:

– Что?! Что ты сказала?!

– Меня... звать... Катя, – с видимым трудом выговорила та, и глаза ее уже не были пустыми и бессмысленными.

– О господи! – только и смогла сказать Лена. – Наконец-то! Неужели вернулась?!

– Я... вернулась? – Катя вздохнула и обвела взглядом комнату. – Где я?

– Что ты помнишь? – насторожилась Лена. – Какое твое последнее воспоминание?

– Я заболела. Мама вызвала врача. Мне стало плохо. Я уснула. Проснулась здесь. Кто ты и почему у тебя оружие? Что это за дом? Где мама? Где мои родители?!

Лена вздохнула и задумалась: как рассказать Кате о том, что случилось? И первое, что пришло ей в голову: «Нельзя! Рассказывать о том, как была в рабстве, как над ней глумились – нельзя!»

– Мы подобрали тебя на улице, – после трехсекундной задержки сказала Лена. – Где ты была до того и что с тобой было – не знаю. Что с вами со всеми, с остальными девочками, было, не знаю. Ты сейчас на нашей базе. Я дежурная. И мне тебе нужно кое-что рассказать.

Следующие пятнадцать минут Лена рассказывала о том, что случилось с миром. Вкратце, без особых подробностей. Потом Катя рыдала, а Лена ее успокаивала, сидя рядом и уткнув ее голову себе в грудь. Потом они пили чай. Вернее, Лена отпаивала чаем Катю, которая никак не могла успокоиться и, как только вспоминала о родителях, сразу же начинала рыдать, раскачиваясь, как под порывами ветра. Наконец Катя кое-как успокоилась и только время от времени всхлипывала, судорожно глотая сладкий чай и заедая его печеньем из картонной красной упаковки. Лена любила эти печеньки, покрытые шоколадной глазурью, – она почему-то не толстела от мучного, конституция такая, как и у мамы. Они с ней могли есть что угодно и когда угодно – и не толстели. Одноклассницы, вечно борющиеся с лишним весом, обзавидовались.

Лена осторожно выпросила, что именно Катя помнит из своего периода безвременья и как так случилось, что она вышла из забвения. Что с ней такого случилось, отчего она взяла да и пришла в разум? Но Катя ничего ей не смогла пояснить.

– Я на самом деле не помню! Ну представь – ты заснула, просыпаешься... а ты в чужом доме, перед тобой девчонка с автоматом, а вокруг... странные девочки. Сидят и молчат! Я и сейчас не могу до конца поверить тому, что ты мне рассказала! Пока сама не увижу... извини!

– Ты на Горе жила?

– Да, на Бакинской.

– А ты знала Митьку Круглова?

– Митьку?! Да мы в одном доме живем! Он в соседнем подъезде! Что, и он здесь?!

– Здесь. Только пока его нет, отъехал по делам с ребятами. Скоро приедет. Кать, скажи... а ты что-нибудь видела... ну... когда в забытьи была? Ну... когда ничего не помнишь... ты сны какие-нибудь видела?

– Сны? – Катино лицо сделалось недоуменным; похоже, она силилась понять, но... не могла. – Сны... нет, никаких снов. Просто как выключили, а потом – вот тут. И ты. И что делать дальше – я не знаю. Только... мне обязательно нужно попасть домой. Обязательно! Я должна увидеть! Должна!

– Должна – значит, увидишь... – вздохнула Лена. – Только тебе это не понравится. А сейчас... будем ждать наших. Приедут, поговорим, а там видно будет. Пока давай-ка займемся уборкой в доме. Сейчас я дам тебе в помощь девчонок, они не могут говорить, не могут сами думать, но что им скажешь – то они и сделают. Как роботы. Ты будешь ими командовать. А я буду вас охранять от мутантов. Поняла?

– Я была такая же? Как робот? – Катя закусила губу и вдруг заметила у себя на запястье шрам от ожога. Какой-то из насильников затушил об ее руку сигарету, после чего и остался шрам. Катя нахмурилась, будто вспоминая, потом мотнула головой, отгоняя какие-то мысли, и медленно добавила, четко выговаривая слова:

– Ничего не помню. Но ведь что-то было? Я ведь где-то была, когда вы меня подобрали? Что-то ела, что-то пила? Лен, тут есть большое зеркало?

Лена подумала, кивнула:

– Есть. В гардеробной. Показать где?

Катя кивнула, встала, и Лена пошла вперед, показывая дорогу.

Гардеробная находилась на втором этаже трехэтажного здания – большая комната с выдвигаемыми шкафами, полными одежды и обуви. Папаша Мишки был богатым человеком, работавшим в Газпроме, и практически ни в чем себе не отказывал. Он уже давно мог бы уехать за границу, куда-нибудь в теплые края, но работа есть работа, пока она есть – надо работать. Так он говорил Мишке, а тот рассказал о жизненном кредо отца своим соратникам. Лена этого не понимала – всех денег не заработаешь, так зачем тянуть лямку до самой смерти, отказывая себе в удовольствиях? Ведь столько интересного есть в мире! Можно путешествовать – по земле и по морям, нырять под воду, подниматься в горы, спускаться в пещеры – зачем это постоянное увеличение количества пустых бумажек, если и тех, что имеются, хватит на всю оставшуюся жизнь? Может, это какая-то психическая болезнь – постоянное увеличение капитала?

Одна стена гардеробной представляла собой сплошное, от пола до потолка, огромное зеркало, сделанное скорее всего из нескольких зеркал таким образом, что нельзя было различить ни одного шва. Как так сделали – Лена не представляла. Впрочем, ее это и не интересовало. Зачем ей совершенно лишняя информация?

В зеркале отразились двое: маленькая, похожая на очень красивого мальчика девушка с короткоствольным автоматом поперек груди и темноволосая, с почти такими же короткими волосами, высокая девчонка лет четырнадцати – в майке с короткими рукавами, шортах чуть выше колен и кожаных сандалиях. Девчонка не сказать чтобы красавица, но стройная, длинноногая. Обычная девчонка-подросток, курносая, скуластая. В любом уголке России – каждая вторая такая.

Катя сбросила сандалии, решительно стянула майку и шорты и стала осматривать свое тело, поворачиваясь перед зеркалом.

– Что это у меня? – Она с ужасом указала на рубцы, пересекающие ягодицы. Рубцы поднимались с ягодиц выше, на спину, и спина была иссечена, будто кто-то резал кожу ножом. – Откуда это взялось?! А это?!

Она указала на шрам на животе – кто-то вырезал ей звезду вокруг пупка, и шрам казался старым-престарым, как если бы это случилось давным-давно, лет десять назад или больше. И Лена вдруг задумалась – а ведь и правда, раны у них у всех заживают очень, очень быстро! Любые раны, любые повреждения! Девчонок приводили избитых, изрезанных, а наутро они уже были практически здоровы! Раны заживали!

Увы, не все раны успевали затянуться. Иначе Валя, погибшая в застенках новых рабовладельцев этого мира, была бы сейчас жива. Жалко, хорошая была девчонка!

Лена задумалась, но, когда услышала, как ойкнула Катя, мгновенно очнулась, схватившись за автомат. Кто знает, может, мутанты уже здесь?! Но мутантов никаких не было, только голая девчонка, покрытая шрамами, которая смотрела на Лену с ужасом и горечью:

- Меня насильовали! Я никогда не была с мужчиной, никогда! А теперь я не девственница! Скажи, как это могло случиться?! Как?!

- Не знаю, - почти искренне ответила Лена.

Катя, закусив губу, еще минут десять осматривала свое тело, потом медленно оделась и, когда уже натянула на себя сандалии, задумчиво спросила:

- Сколько времени я здесь?

- Неделю.

- Месячных у меня не было?

Лена чуть не закашлялась. Выдохнула, подумала, честно ответила:

- Нет. Как и у других девонок. Но пока рано о чем-то говорить. Посмотрим, что будет дальше.

- Ты мне правду говоришь? Не обманываешь меня?

Лена подумала, пожала плечами:

- Нет, не обманываю. Зачем мне тебя обманывать? Тебя тут никто не держит. Хочешь - иди домой. Куда хочешь иди. Здесь никого не держат. Тебя тут держали до тех пор, пока ты была в состоянии ходячего овоща. Теперь ты в разуме, а значит, можешь идти куда хочешь. Но если останешься - будешь

подчиняться нашему командованию. Понятно?

– Понятно. – Катя ответила после небольшой паузы. – Ладно, пойдем, покажешь мне, что нужно делать.

И тут же с горечью и яростью воскликнула:

– Черт! Черт! Да откуда же у меня эти шрамы?! Я ничего, совсем ничего не помню! Да что же такое со мной было?!

«Что с тобой было? – грустно подумала Лена. – Ну что с тобой было... издевались над тобой. Мучили тебя. Всеми возможными и невозможными способами. Глумились. Тушили о тебя сигареты. Избивали ремнями, плетью, битой. И как ты выжила – никто не знает. Только бог – если он есть на небесах. И лучше бы тебе не вспоминать, что с тобой делали. Боюсь, ты этого не переживешь. Прежняя Катя умерла. Как и прежняя Лена!»

Они пошли вниз, и минут пятнадцать Лена демонстрировала хмурой, расстроенной Кате, как нужно управлять «роботессами». И потом вся толпа девочек уже мыла полы и вытирала пыль, под строгим контролем Лены и Кати. Дом был огромным, но добиваться полной стерильности его полов никто не собирался. Полы протерли, подоконники и полки вытерли – да и хватит. Работали вдесятером, вот и управились часа за полтора, примерно так.

После уборки пришло время кормить всю команду. Девочкам раздали бутерброды с ветчиной, бутылки с водой и приказали есть и пить. «Роботессы» механически сжевали еду, попили из бутылок, и настало время «гигиенических процедур». В туалет их повели, если говорить проще.

Когда последнюю из девяти девочек привели в порядок, Катя села на диван в гостиной и, не глядя на Лену, сказала:

– Неужели и я была такая?! О господи... ужас-то какой! У них тоже шрамы... Вы их тоже на улице подобрали?

– Тоже... – не моргнув глазом, соврала Лена. Она не любила врать, но... это была ложь другая. «Правильная» ложь. Если сейчас Катя узнает, что как минимум

неделю над ней глумилась толпа сексуально озабоченных парней, – что это для нее изменит? Ей станет лучше, если она узнает правду? Станет легче жить? Скорее наоборот: будет представлять, что с ней творили, и вообще спятит. Так на кой черт ей все это вываливать?

Звук рычащего дизеля со стороны ворот поднял Лену с места, и она шагнула к дверям.

– Катя, сиди здесь и не выходи! Поняла? – Лена строго посмотрела на девочку. Та выглядела рассеянной и хмурой и кивнула секунды через три, напряженно о чем-то думая. Может, всплывают воспоминания? Если так, это очень плохо. Не надо сейчас никаких воспоминаний! Совсем не надо!

Лена сбежала по ступеням крыльца и пошла навстречу въезжающему во двор джипу. И тут же заметила на капоте автомобиля черные полосы, которых раньше не было. Лена прекрасно помнила, как выглядел джип до поездки. Абсолютная память – дело такое... все видишь и ничего не забываешь. Главное – не сойти с ума, ведь на самом деле мозг не зря забывает не очень важную для него информацию – чтобы не перегрузить «ячейки». Есть такая версия, Лена о ней читала. Впрочем, вполне возможно, что глупая версия. Ведь сказано было, и не раз, что на самом деле мозг использует всего лишь десять процентов своих возможностей. Так зачем забывать? Она вот ничего не забывает и вроде пока не спятила. Ну... наверное, не спятила.

– Что у вас случилось? – с ходу спросила Лена, дождавшись, когда откроется дверь джипа.

– Урод один... Андрея чуть не застрелил, – хмуро пояснила Настя. – Да не делай такое лицо... не застрелил же! Мишка его уложил. Как у тебя, все нормально?

– Кое-что случилось, – кивнула Лена. – Ребята, в дом пока не ходите, идите сюда, я кое-что вам расскажу.

Все были явно заинтригованы, а когда Лена быстро, в нескольких словах объяснила, что произошло, Настя шумно выдохнула:

– Ффуух! Слава богу! Значит, и другие девчонки могут выйти из... хм... комы. А что ты ей ничего не сказала – это правильно. Пусть будет так. Парни,

слышали? Митька, тебя касается – у тебя не язык, а веник! Так и метет!

– Нет, а что сразу «Митька»? – обиженно буркнул парнишка. – Я что, не понимаю?! Не дурак же! Все ясно – подобрали на улице, на Горе. Вот и все. Я знаю Катьку, она девчонка хорошая. Мы с ней не ругались, хотя и не особо дружили. Найдем общий язык, ага. Айда домой. Я жрать хочу – как из ружья! Мы тут тебе кое-что расскажем, Лен... чтоб ты знала. Настя тут одну мыслишку дала, молодец!

Все пошли в дом – усталые, потные. На улице – настоящее пекло. Самый разгар лета! Солнце жарит, как в пустыне. И ни ветерка... Даже страшно подумать о том, что скоро отключится электричество и перестанут работать кондиционеры.

Катя сидела нахохлившись, как воробей, испуганно глядя на увешанных оружием хозяев дома. Андрей шагнул к ней, улыбнулся и протянул руку:

– Привет. Я Андрей. А это Настя, Митя и Миша. Ты Катя. Знаешь Митю?

– Ну... да. В соседнем подъезде жил. Значит, все правда, что Лена рассказывала? Мир погиб?

– Мир погиб, – просто сказал Андрей. – А Лена вообще-то старается не врать. Она у нас ужасно правдивая. В общем, так, Кать... у тебя есть выбор. Мы тут никого не держим: хочешь, уходи, хочешь – живи с нами. Мы можем тебя отвезти домой, чтобы сама посмотрела, что и как. Чтобы мыслей никаких не было. Ну и... с родителями попрощаешься. Если решишь остаться с нами – будешь жить на общих правах. То есть подчиняешься нашим правилам, слушаешь, что тебе говорят, и делаешь то, что требуется. Ничего особого мы не требуем. Просто участвуешь в нашей жизни, как и все. Научим тебя обращаться с оружием, будешь ходить так же, как мы, – всегда с пистолетом. Мутанты могут в любой момент напасть. Мы девчонку хоронили, так вот если бы не Настя – нас бы всех перекусали. Собаки. Ну вот как-то так. Насть, расскажи Лене и Кате, куда мы собрались ехать. Пообедаем, да и поедем.

А потом Андрей рассказал подробнее – как они ездили, что случилось в поездке и какую идею выдвинула Настя.

Лена не удивилась. Чего-то подобного она и ожидала. Мир обязательно скатится в Средневековье, так почему бы не подготовиться к этому именно сейчас? Нужно хомячить, хомячить и хомячить. Чем больше будет ресурсов, чем больше будет людей и вооружения, тем больше шансов, что их не задавят конкуренты.

Решили бросить жребий – кому ехать. Между Настей и Леной. Катя поедет в любом случае: оставлять ее с «роботессами» просто глупо – она защитит их не сможет. Ну а парни должны ехать в любом случае – во-первых, они основная ударная сила с их пулеметами, во-вторых, просто сила – таскать ящики кому-то нужно?

С Катей тоже все было не очень просто. Так-то вроде девчонка неплохая, но оставлять ее нельзя еще и потому, что нет к ней пока что такого доверия, как к тем же Насте и Лене. Вдруг уйдет, бросит все... да и оружия здесь куча. Кто знает, что стукнет в голову девчонке, только что вышедшей из забвения.

Оставить же дом без присмотра было бы в высшей степени глупо. Ладно бы раньше, до встречи с жителями коттеджного поселка, но теперь, когда им сообщили о том, где находится база, – это было бы полными идиотизмом. Придут, влезут, дождутся, когда хозяева вернутся домой, и... вжарят со всех стволов! А что, милое дело устроить засаду на въезде во двор! И пикнуть не успеешь, как получишь пулю в лобешник. Нет уж, пусть кто-то из девчонок дежурит и, если что, встретит «гостей».

Бросили монетку, и... остаться выпало Насте, чем она была немало расстроена. Ну это и понятно – вместо того чтобы ехать на «прогулку», придется сидеть дома и ухаживать за толпой молчаливых «зомбачек»! И это при том, что идея поискать лошадей принадлежит самой Насте! Кому, как не ей, ехать на ипподром?

Лена хотела Насте предложить поехать с Андреем, тем более что она, Лена, сегодня дежурная охранница, но... передумала. Очень уж захотелось прогуляться, особенно вместе с Андреем. Пусть Настя пока дома посидит, от нее не убудет.

На том и порешили. Занялись обедом, вскипятили воды для чая, наделали бутербродов – пока парни таскали в джип инструменты (болгарки, диски, и все такое прочее). Затем наскоро поели, не особо различая вкуса еды, и скоро джип

выкатился из ворот, остановившись возле фуры и «КамАЗа»-вездехода, припаркованных у забора. Пару минут обсуждали, на чем лучше ехать, и решили все-таки поехать на фуре. Особой проходимости пока не требуется, а вот вместимость у фуры как минимум в полтора раза больше, чем у «лаптежника», как его называл Андрей. Видимо, «лаптежником» его называли из-за здоровенных вездеходных шин, что имелись у «КамАЗа»-вездехода. Об этом Лена уже сама догадалась.

Каждый взял пистолет (Кате тоже дали). У всех, кроме Кати, – автоматы с запасом снаряженных магазинов; два пулемета – это у Мишки и Митьки; ну и снайперская винтовка – ее Андрей положил на всякий случай. Ну, так он сам сказал. Скорее всего и не понадобится, но если забудешь, не возьмешь, – тогда точно понадобится.

Весь багажник и часть салона забили инструментами, из которых самым главным был бензогенератор, выдававший шесть киловатт. Хреновина эта просто-таки огромная, и, если бы не здоровенный багажник джипа, пришлось бы генератор пихать в фуру, что вообще-то потребовало бы усилий при погрузке гораздо больше, чем когда грузили в тот же «крузак». Эта железяка, судя по ее паспорту (ребята сказали), весила больше ста килограммов – сто десять или сто двадцать. Они втроем затаскивали бензогенератор в багажник и при этом шипели и ругались сквозь зубы. Особенно ругался Митька – Лена даже расслышала пару матерных слов, за что тот сразу получил выговор от Андрея: «Какого черта при девушке ругаешься?!» Лене стало даже немного смешно – после того, что она перенесла, матерные слова ее совершенно не волновали и не беспокоили. Но все равно было приятно.

Впрочем, и в прежние времена она бы точно не упала в обморок, услышав матерную ругань. В конце концов – она что, в теплице росла? Ходила в такую же школу, как и все остальные, и наслушалась там всякого-превсякого. Школа – еще тот источник матерного просвещения. Некоторые недоросли из параллельного класса не то что ругались матом – они на нем разговаривали.

Вначале, судя по разговорам, собирались поехать насчет лошадей завтра утром, но потом решили действовать по-другому. Представили, что где-то там умирают голодные лошади, для которых важен каждый день, и переменили планы. Оно и правда – спокойно лечь спать, представляя, что где-то там помирают лошади, невозможно... В общем, решили ехать.

Митька уселся за руль фуры, с ним сел и Мишка как охранник, в джип забрались Лена и Катя. За рулем, само собой, Андрей. Джип пустили первым – разведывать обстановку.

И в этот выезд с собой взяли радиостанции. Вернее, так: в джипе радиостанция была с самого начала – и антенна на крыше, и стационарная радиостанция в салоне. Практически у всех, кто ездит в экспедиции, у всех любителей внедорожья имеются радиостанции – такие, как у дальнбойщиков. Это удобно – едешь по трассе и слушаешь разговоры. Для развлечения или для того, чтобы узнать, где затор, где авария.

В фуре радиостанция тоже была (дальнбой же!) – ее просто настроили на нужную волну. Но кроме того, взяли с собой и японские радиостанции, носимые на поясе, – такая теперь была у каждого в их группе. Как сказал Андрей, больше он ошибки не допустит и на выезд без связи не поедет.

Ехать недалеко, но, как теперь случалось почти всегда, дорога заняла гораздо больше времени, чем до катастрофы, – ко всему прочему, оказалось, что район Студгородка возле моста на Первую Дачную забит всевозможными машинами, сцепившимися в «любовных объятиях». Ощущение было таким, будто все разом рванули из центра на выезд из города, и вот тут, у Студгородка, буквально таранили друг друга, пробивая себе дорогу к жизни.

Скорее всего, конечно, все было не так – люди умерли на ходу, за рулем, машины, сталкиваясь, перегородили дорогу, ну и в них въехали еще автомобили, хозяев которых настигла та же самая беда.

Митька умудрился бампером отодвинуть две легковушки, благо что масса фуры плюс мощность двигателя позволили это сделать, протиснулся мимо помятой белой «Калины», в которой виднелись останки нескольких человек (уже белели кости), и скоро все уже катили по улице Шехурдина, оставив по правой стороне автомобильный рынок Студгородка. До ипподрома оставалось всего ничего, с километр.

Через пять минут машины были уже у ворот ипподрома.

23 июня, день.

Андрей Комаров

Нет, все-таки Митька молодец! Дело он знает! Ловко подвинул машины! Не пришлось объезжать!

Я посмотрел на Лену, сидевшую справа от меня с отрешенно-задумчивым видом, и вдруг подумал о том, что сказала мне Настя. Нет, не может быть так, что в этой чеканно-красивой и холодной голове кипят такие страсти! Ну ведь правда – с какой стати эта девчонка вдруг взяла и в меня влюбилась?! За все время она ничем – ни словом, ни жестом не выказала отношения ко мне! Корректная, выдержанная, даже холодная – как маленькая мраморная статуя, не больше того! Неужели и правда?! Странное ощущение... пока непонятное.

Нет, ну так-то мне приятно... я не избалован вниманием девушек. Не до того как-то было... учеба, тренировки, домашние дела. Где мне было знакомиться с девушками, ухаживать, и все такое прочее? Да и возраст наш... хм... совсем не амурный. Хотя, если вспомнить, – сколько лет было Джульетте? Тринадцать или четырнадцать! А Ромео? Лет шестнадцать-семнадцать. И уже сотни лет над их судьбой умиляются целые поколения людей. Ну да, да – тогда времена были другие, тогда все было по-другому и женились рано! А СЕЙЧАС какие времена? Не другие? А интересно было бы взять да и спросить у нее – напрямую, без всяких там иносказаний! Ответит? Сказать что-нибудь типа: «Ты правда меня любишь?» Что ответит?

Я оглянулся на Катю и снова задумался: вот у нас появился новый человек. Новая девушка. Только недавно она была в состоянии бродячего овоща, и вот поди ж ты – сидит на заднем сиденье и смотрит в окно!

Вполне разумная, выдержанная девушка. Я думал, что при виде костей, трупов и разбитых машин она будет плакать или ее начнет рвать, но нет – спокойная, только слегка бледная. Что это, последствия перенесенных ею психических травм? Почему они все – и Лена, и Катя – так легко переносят ужас, который случился с миром, то, что вокруг – свидетельства постапокалипсиса? Неужели их не трогает то, что они видят? Деформация личности? Они ведут себя не «по-девчачьи»!

Ладно, потом спрошу. И с Леной поговорю, и с Катей. Когда время придет. Жалко, что Насти здесь нет, – с ней было бы легче. Не знаю почему, но легче.

Фура замерла у закрытых ворот ипподрома, на которых, на сетке, были приделаны две стилизованные огромные подковы. Рядом на бетонном заборе рекламные плакаты с надписью наверху «Саратовский ипподром» и предложением о переработке каких-то там сельхозпродуктов. Похоже, что на территории ипподрома всю развивалась коммерческая деятельность. Раньше развивалась...

Тяжелые стальные ворота задвинуты. Как их открыть и проникнуть на территорию ипподрома, неясно. Сигать через забор? Так он высокий, не так просто через него перелезть – особенно с оружием. Если подцепить ворота и оттащить их в сторону – например, лебедкой джипа? Но это если они не заперты изнутри. И проверить это можно, только забравшись через забор.

Ну что поделаешь – полезу! Может, и лезть-то туда без толку... лошади давно передохли, если за ними никто не ухаживал. Без корма они еще продержатся какое-то время, а вот без воды... Хотя вода-то как раз у них и должна быть; я читал, что на ипподромах в денниках стоят автопоилки – нажал мордой, и потекло. Электричество пока не отключилось (что удивительно), так что автопоилки все еще должны работать. Пока есть электричество, есть и напор в системе водопровода, – насосы-то качают. Конечно, и они могут выйти из строя, но... у нас на базе вода пока была. В городском водопроводе. Как только он отключится, перейдем на воду из скважины. Вполне приличная вода, я пробовал. Чистая, холодная и без хлорки. Волга-то рядом, до нее пятьдесят метров. Идет инфильтрация. Без воды не останемся.

– Андрюх! – возбужденно закричал Митька, прижавшийся головой к сетке ворот. – Прикинь, там лошади! Много лошадей! Много!

Я шагнул к воротам, посмотрел туда, куда он указывал... Точно! На поле ипподрома, там, где виднелись дорожки для скачек, бродили лошади. Их было очень много – несколько десятков, может, сотня! Черные, рыжие, белые, большие и маленькие – они бродили как ни в чем не бывало и норовили пощипать траву, что осмелилась вырасти по краю территории у забора. Кто их выпустил, как они выжили в эти дни – загадка!

– Ничего не вижу! – пожаловалась мелкая Лена, вставая на цыпочки. – Плохо быть низенькой!

Я усмехнулся и, взяв ее под мышки, приподнял перед собой и так и остался стоять, держа Лену под грудью, прижав к себе. Она была теплой, упругой, и пахло от нее... хорошо пахло. Приятно. Не духами, не дорогими кремами, но чем-то неуловимым, приятным носу. Тут был и запах моющего средства типа «Фейри», и запах шампуня, и что-то неуловимое, непонятное, волнующее сердце, которое сейчас стучало так, что чуть не вырывалось у меня из груди.

Ну да, да – мне почти шестнадцать, я молодой, половозрелый, изнуренный гормонами парень! Мой организм сейчас мучим спермотоксикозом – я все это прекрасно понимаю! Все парни в этом возрасте просто сексуальные маньяки – такими сделала нас природа! Я читал об этом. А против природы не попрешь!

– Рассмотрела? – спросил я внезапно охрипшим голосом.

– Рассмотрела! – серьезно кивнула Лена и неожиданно добавила: – Там человек ходит. То ли девушка, то ли парень – я не рассмотрела. Среди лошадей. Так что, если мы побибикаем, скорее всего он нас услышит.

Кровь стучала у меня в висках, сердце дрыгалось в груди, а мой пах лучше никому не показывать. А то подумают еще... то, что и надо подумать. Хорошо, что на мне камуфляж, а не обтягивающие джинсы...

– Митяй, давай, фафакни! – кивнул я другу.

– Факнуть? Это мы завсегда! – И заржал.

Тоже мне... сексуальный гигант! На словах – все факари и прожженные любовники. Дурачки, ага!

Хотя... может, это только мы с Митяем такие? Это нам было не до танцев-обжиманцев и не до постельных утех? Слышал я, что наши одноклассники вполне себе ни в чем не отказывают. Мол, время такое, созрели! Ходили кое-какие разговоры, но, честно сказать, я не особо ими интересовался. Ну... про всякие там «ромашки». Что такое «ромашка»? Это когда садятся в кружок, и ведущий или ведущая крутит на полу бутылочку, и на кого та укажет (противоположного пола, само собой, хотя... всякое слышал) – отправляются в соседнюю комнату изучать позы из Камасутры. Но вообще-то все эти разговоры больше касались так называемых элитных школ, где учились детишки богатых родителей

и чиновников (что, впрочем, практически одно и то же).

Рев сигнала фуры едва не заставил меня подпрыгнуть и тут же выбил из головы мысли об упругом теле маленькой Лены. Пневмосигнал – не хухры-мухры, так заревел, аж птицы с деревьев полетали! Если те, кто на территории ипподрома, нас не услышат, это будет очень даже удивительно!

Услышали. Минут через десять в сетке ворот показалось лицо девчонки лет четырнадцати, чем-то похожей на Настю. Глазастая девчонка, симпатичная. Нам вообще везет на симпатичных девчонок – ощущение такое, что все «корявые» и толстушки вымерли после приступа болезни, остались только милашки. Интересно, а если действительно так?! И нет ли под этим обстоятельством какой-нибудь научной базы? Типа выживают только красивые?

– Чего хотели?! – Голос девчонки был хриловатым, будто она давно не спала и смертельно устала. Глаза красные, светлые волосы растрепаны, и в них застряла соломинка.

– Открой ворота, поговорим, – мирно предложил я. – Не бойся, не обидим!

– Зачем приехали? – Девчонка не двинулась с места. – Кто такие?

– Мы приехали лошадей спасать, – вмешалась Лена. – Думали, они тут погибают.

– Пока не погибают. – Голос девчонки смягчился. – Но скоро могут.

– Ну вот давай об этом и поговорим! – снова встрял я. – Ты видишь, что творится? Дороги скоро зарастут, людям понадобятся лошади, чтобы ездить. Вот мы и приехали, чтобы спасти коней.

– Опомнись! – фыркнула девушка. Именно девушка, а не девочка – присмотревшись, я бы ей дал уже лет семнадцать, не меньше. Слишком уж жестким и взрослым было выражение ее лица, слишком усталыми и грустными, взрослыми, – глаза.

– Опомнись! – повторила она грустно после секундной паузы. – Если бы не мы, все лошади давно бы передохли. С голоду. А то и от жажды.

– Сколько вас? – спросил я настороженно, поглядывая по сторонам. – Мутантов видели?

– Видели, – кивнула девушка. – Лошади их затоптали. Они чуют мутантов и ненавидят их.

Она замолчала, я тоже замолчал. Молчали и Мишка с Митькой, и Лена. О чем говорить? Нас явно не хотят пускать внутрь, с нами не хотят общаться, и... что вообще мы здесь делаем?

И тогда я решил сказать напрямик:

– Меня звать Андрей. Это Лена, а это Митя и Миша. Мы живем в Усть-Курдюме. У нас там что-то вроде базы. Кроме тех, что здесь, – еще десять девчонок. Мы пытаемся выжить, организовать тех, кто выжил, пытаемся возродить цивилизацию. Цивилизации понадобятся лошади, и, наверное, скоро. Машины придут в негодность, дороги зарастут, так что или пешком, или на лошади. Потому мы приехали сюда. Я не знаю, сколько вас и кто вы такие. Думаю, вы имеете какое-то отношение к ипподрому и поэтому тут оказались. Если наша помощь вам не нужна и вы справляетесь сами, мы развернемся и уедем. Обойдемся и без ваших лошадей. Делайте что хотите.

Молчание. Потом девушка кивнула и шагнула к калитке. Загремел засов, калитка открылась:

– Заходите.

– Миша, Митя, останьтесь у машин! Лена и Катя – со мной. Впрочем, если хотите, можете остаться.

– Я иду! – тут же откликнулась Лена.

– Я останусь, – вздохнула Катя. – Лошадей боюсь. Лягнут еще...

Девушка из-за калитки слегка насмешливо улыбнулась, а мы с Леной прошли на территорию ипподрома.

– Я Юля, Юля Морозова, – бросила девчонка на ходу, шагая в сторону широкого кольца дорожек. – Занималась тут в конноспортивной школе. Со мной тут Аленка Денисова и Маша Семенова. Когда все случилось, мы поняли, что лошади погибнут. Они ведь заперты в денниках, и корма у них нет. Вода есть – поилки автоматические, электричество еще есть. Мы живем рядом... ну... почти рядом. Добрались пешком, выпустили лошадей и теперь их кормим. Запаса корма хватит примерно на месяц. Здесь сто три лошади, из них десять пони. Ну вот пока и все. Каждая из нас взяла на себя тридцать лошадей, и... мы живем здесь, на ипподроме.

– А чего вы ждете? – серьезно спросила Лена. – Ну... вот кончится корм, что будете делать дальше?

– Думали над этим, – пожала плечами Юля. – А вот и Аленка! Ален, люди приехали спасти наших лошадей. Говорят, в Усть-Курдюме живут. Маша где?

– Спит. Вымоталась. – Алена внимательно осмотрела нас с Леной, задержавшись взглядом на оружии. – А зачем вам лошади?

Я снова объяснил ситуацию, и Алена, крепкая блондинка лет пятнадцати, задумалась, потом кивнула:

– Да, лошадей разводить надо. Без лошадей – никуда. А чего хотите от нас?

Вопрос был вообще-то интересным – и правда, а чего мы хотим от них? Ну, вот мы приехали. Тут лошади. И что дальше? Куда их? Как кормить? Где держать? Как-то непродуманно, точно... Тем более что я не ожидал сотни лошадей. Думал, будет... ну... десяток! Почему десяток? Да черт его знает! Десяток, и все тут!

– Не знаю, чего хотим от вас, – честно ответил я и пожал плечами. – Когда я ехал сюда, думал только о том, что тут умирают лошади и надо как-то их спасать. А вот как спасать – не знаю! Ну ни черта не знаю! И что делать с ними – тоже не знаю! Вот придет зима – и как тогда? Как кормить? Где им пить, есть? Где жить? Вот вы... кончится корм, куда денете лошадей?

– Выпустим, – вздохнула Юля, – пусть сами себе ищут еду. Мы не сможем найти зерно, овес, сено. Не сможем привезти. Все, что мы могли, сделали, не дали им ослабнуть. А потом... а что потом? Мы думали, что хоть как-нибудь ситуация

нормализуется, что хоть какая-то власть останется. Но ничего не осталось. И мы не знаем, как жить дальше.

– Подожди-ка, как это выпустите? А в морозы? Что они будут делать в морозы?! Зимой?! Зимой и весной? Ну летом-то ладно, а потом?

– Мороз им не страшен. У них теплоотдача – один процент, – улыбнулась Юля. – Все равно как человек в шубе. А вот насчет еды... насчет корма все плохо. Они не приучены выкапывать еду из-под снега, в голой степи. А у нас тут степи. И вода... если только из Волги. Или из речек – других речек. Придется гнать коней в сторону лесов – там и спрятаться есть где, и корм легче найти. Ну и воду. А там уже сами, как смогут. Вот так... Им страшнее сквозняки, чем холод. А еще – перепад температуры, когда из теплого денника – и на мороз. А если они все время на воздухе, если под открытым небом – это не страшно. Лошади такие хитрые существа – они ко всему приспособливаются! Они не боятся ни холода, ни жары! Они не боятся хищников – порвут, как Тузик грелку! К нам три мутанта забежали, собаки. Так они их втоптали в землю – мы и опомниться не успели! И... человек заходил. Мутант. Они его тоже убили. Знаете, как лошади дерутся? Нет? Ухватит за плечо, так швырнет – по воздуху метров пять лететь будешь! А если лягнет – башка отлетит! Так что в лесу они выживут. Особенно если все вместе. А мы их приучаем – чтобы все вместе, чтобы табуном ходили. У них уже и вожак появился – жеребец Жак. Вороной рысак Орловской породы. Вон он, у забора, видите? Красавец!

Я посмотрел туда, куда она показала, и увидел крупного, могучего коня, который блестел под солнечными лучами так, будто его опрыскали свежей краской. Под угольно-черной шкурой играли могучие мышцы, жеребец всхрапывал и бежал мимо нас ровной, красивой рысью.

– Какой красивый! – восхищенно вздохнула Лена. – Настоящий вожак!

– Настоящий! – довольно кивнула Юля. – Трех жеребцов отдубасил так, что думала – ребра переломал. Но нет, целые! Зато теперь слушаются, как коровы пастуха! Он и мутантов заметил, остальных организовал на атаку! Умный, черт!

– А почему черт? – поинтересовался я. – Злой?

– Злой, ага! Так просто не подпустит. Только Аленку подпускает и позволяет надеть седло. Ну или в тележку запрячь! Остальных и покусать может. Лошади его слушаются. Ну, вот такие дела.

– Всякие дела... так что все-таки думаете делать? Как жить? Так и будете обитать на ипподроме? Вы вообще как питаетесь? Что едите? А вот отключится электроэнергия – что будете делать?

– Отключится... на костре будем готовить, – поджала губы Юля. – Еды пока хватает, здесь же и ресторан был. Да и в магазины можно пойти за продуктами, не проблема. Но да – честно сказать, уже задрало. Тяжело! Втроем мы уже просто упахались. Так все-таки, а что вы можете нам предложить?

– Что мы можем предложить?.. Только гнать лошадей к нам, в Усть-Курдюм. Водопой – вся Волга. Вот насчет еды сложнее. Пастись там по большому счету-то и негде. Нет, так-то есть леса рядом! В сторону объездной! Опять же – можно попробовать организовать доставку корма отсюда. Повторю: электричество отключат, что лошади будут пить? Долго они продержатся без воды? А оно ведь вот-вот отключится, уверен! Вода из городского водопровода, не будет ее – тогда как? Погоните подыхающих от жажды лошадей? До нас километров тридцать – полдня хода на лошадях, как я это себе представляю. Там пустим их пастись и будем думать, как доставить корм.

– Мы должны подумать, обсудить! – Юля села на ступеньку здания, видимо административного, и устало положила руки на колени, обтянутые выцветшими джинсами. – Поймите правильно, ведь мы не знаем, кто вы. И что нас там у вас ждет. И что ждет наших лошадей. Понимаете... мы за них отвечаем!

– Перед кем?

– Перед собой. Перед совестью. У нас ведь теперь, кроме них, никого не осталось... они нам как родня!

Я вздохнул, глянул на солнце – время к вечеру, и хоть июньский день долог, но работы предстоит выше крыши, так что задерживаться здесь не стоит. Пусть все будет, как... как будет. Я сделал все, что мог.

– Вот что... Юля и Алена... по большому счету мне все равно, поедете вы с нами или нет. Погоните лошадей или нет. Мы пытаемся возродить цивилизацию, как можем, как получается, – по совести, по закону. Вы или участвуете в этом, или нам неинтересно – где вы и что вы. Делайте что хотите. Надумаете пойти к нам – вот адрес. – Я достал маленькую пачку бумаг для заметок, написал адрес, отдал Юле. – Не надумаете – значит, не надумаете. У нас нет времени на долгую болтовню. Лена, пойдём!

Повернулся и пошел в сторону ворот, больше не обращая внимания на молчавших девчонок. И все-таки, отойдя метров на пять, остановился, обернулся:

– Мы сейчас поедем к Ленинскому райотделу, вскрывать его будем. Там задержимся надолго. Так что, если будет желание пообщаться, что-то обсудить, – подъезжайте. Только на оружие не рассчитывайте – оружие даем только нашим. Вы пока не наши, и на сторону мы ничего не дадим. И вот еще что – бойтесь групп парней. Уже есть бандитские группировки, и самые среди них опасные – этнические. Кавказцы, одним словом. Боюсь, они к вам обязательно заглянут. Ну, вот и все. Удачи, девчонки!

Мне не ответили. Но я ответа и не ожидал. Пусть думают. Если что – как-нибудь обойдемся и без лошадей, пусть наши дети или внуки думают о том, как разводить лошадей. Если они будут, эти самые дети и внуки. Что совсем не факт. Уйдет человечество, и останутся вместо него одни лишь мутанты.

Кстати, что-то давно их не видели, этих самых мутантов. Расслабились, надо внимательнее смотреть по сторонам.

Через пятнадцать минут мы уже ехали по направлению к Ленинскому УВД, или, как папа называл его по старой памяти, РОВД. Я не знаю, как эти организации назывались в последние годы, да и не суть это важно. Важно, сумеем ли мы пробиться через бронированную дверь и капитальные стены этого райотдела. В сравнении с райотделом Юбилейного Ленинский отдел – как Москва в сравнении с Саратовом. Столица мелких отделов Ленинского района. Кстати, есть ведь еще и Волжский райотдел, и Заводской, и Кировский, и Фрунзенский. А еще – ГУВД и куча разных воинских частей. По-хорошему, нам стоит выгрести все эти источники оружия, пока оно не расползлось по всему городу, по всей области. Кроме того, я уверен, что в недалеком будущем оружие и патроны будут основной ценностью в отношениях между выжившими. Есть у тебя

оружие – ты сыт и доволен. Нет оружия – ты голодный раб, который ублажает своего господина. Ну как было с этнической бандой, которую мы уничтожили, освободив Лену, Катю и остальных девчонок.

Райотдел, как и ожидалось, был закрыт изнутри. Все-таки нашим людям не откажешь в стойкости и ответственности – сидели на месте до последнего, уже фактически умирая. И перекрыли доступ к оружию. Хотя бы на время. И правильно, вооруженные беженцы в последней стадии истерии – это было бы страшно.

Митька подогнал фуру к самому крыльцу, чтобы удобнее было таскать ящики, когда мы все-таки вскроем наружную дверь и дверь в оружейку. Джип я поставил рядом – так, чтобы можно было протянуть провода удлинителя, не вытаскивая генератор из багажника, и работа закипела. Болгарки у нас были, диски к ним были, так что вскрыть эту дверь – дело времени. По большому счету нам и не нужно взрезать всю дверь – только вырезать штыри замка, и все будет в порядке. Дверь сейфовая – один штырь толщиной в палец на уровне замка, и еще два – снизу и сверху в стальную раму двери. Все просто, и... очень трудоемко. Само собой, чтобы перепилить эти штыри, надо вначале выпилить куски стального листа, закрывающего щель между дверью и рамой. И уже потом – пилить эти самые штыри.

Несколько дисков загубили. Стачиваются на раз. Металл толстый, сталь крепкая. Пока поддался последний штырь – прошло не меньше полутора часов. Такими темпами мы до ночи будем тут сидеть! Все в поту, мокрые как мыши – жарко, а не разденешься! Я потребовал, чтобы все были не просто одеты, так еще и в бронежилетах, и на лицах – специальные прозрачные забрала. Если болгарка сделает гадость, запустив в работающего куском диска, то хоть какая-то надежда, что не поранит. Отец мне некогда даже фото показывал – кусок диска от болгарки, засевший глубоко в черепе мужика. Есть у болгарок такая вот подлючесть. Смертельная.

Тяжелая дверь медленно распахнулась, из затхлой прохлады здания потянуло густым запахом мертвечины. Лежат покойники. Это дежурка воняет, точно. Придется и ее вскрывать – ключи-то от оружейки скорее всего там лежат.

Девчонки оставались у машин, смотрели за окрестностями на предмет подкрадывания супостатов, работали мы втроем, так что, само собой, «гостей» первыми заметили они.

– Андрей! Сюда едет машина! Грузовик!

Голос Лены был таким же спокойным, как обычно, – интересно, ее вообще что-то может вывести из себя? Каждый раз удивляюсь... Я лично – взрывной, могу наорать, взбеситься, хотя и стараюсь этого не делать, даже будучи голодным. Но вот Лена... она до сих пор для меня загадка! И... пример для подражания. Вот каким выдержанным надо быть! Даже голос не дрогнул!

– Пулеметы! Митька, под «КамАЗ», с пять – сорок пять! Мишка – другой пулемет бери и сюда – здесь засядешь, в дверях! Девчонки – за угол, вон туда, к воротам! Я – встречаю.

Грузовик был еще метрах в двухстах, когда мы уже распределились по позициям. Все залегли – оружие на изготовку, предохранители на автоматической стрельбе, все как положено. Чужаки получают отпор, если что. Не факт, что это бандиты, но и мирных граждан нам сейчас на фиг не надо. Чужим оружие не отдадим! Не для того двери курочили!

Это был какой-то то ли китайский, то ли корейский белый фургон среднего размера – и не такой большой, как фура, и не маленький, как «Газель». Что-то среднее между ними. В кабине вижу четверых. Сколько в кузове – не знаю. Кузов изотермический, он даже с кондиционером, или как там у них это называется. В общем, такая штука над кабиной, похожая на кондиционер. Холодильник?

Фургон остановился метрах в двадцати от наших машин, двигатель машины затих, и наружу из кабины полезли парни – да, я не ошибся, их было четверо.

А в кузове – еще четверо. В руках – двустволки, у одного одностволка, по виду как полуавтоматическая пятизарядка, на поясах что-то вроде здоровенных ножей или мачете. Типа крутые ребята. Восемь человек против нас пятерых. Только вот у нас были не охотничьи ружья, а пулеметы. И пистолеты-пулеметы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/den-neposlushaniya-budem-zhit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)